

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

Зубкова Полина Игоревна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
КОНЦЕПТ «ПУТЬ» В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»
(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КУРСА ПО ВЫБОРУ В СТАРШИХ КЛАССАХ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ)

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя
профилями подготовки)

Направленность (профиль) образовательной программы Русский язык и
литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой общего языкознания,
канд. филол. наук, доцент Мамаева Т.В.

Руководитель канд. филол. наук, доцент Кипчатова А.В.

Дата защиты _____

Обучающийся Зубкова П.И.

Оценка _____

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретические сведения о понятии «концепт» в научном дискурсе	7
1.1. Концепт как образование и процесс деятельности, специфика концептологического подхода	7
1.2. Особенности концепта «путь» и его место в русской языковой картине мира	15
Глава 2. Концепт «путь» как стержневое понятие в романе-житии Е.Г. Водолазкина «Лавр»	25
2.1. Специфика авторского жанрового определения произведения	25
2.2. Вербализация концепта «путь» в романе-житии «Лавр»	43
Глава 3. Методические рекомендации для проведения занятий в рамках курса по выбору в 10-11 классах	51
Заключение	60
Список использованной литературы	63
Приложения	68

ВВЕДЕНИЕ

Понятие концепта как один из ключевых терминов в рамках когнитивной лингвистики до сегодняшнего дня представляет научных интерес как в лингвистической, так и литературоведческой сфере. Исследования, связанные с изучением концепта в отечественной лингвистике, появляются с конца XX века и продолжается до сих пор.

Теоретико-методологическую базу настоящей дипломной работы составили научные труды следующих российских и советских учёных в области концептуальной лингвистики: С.А. Аскольдов-Алексеев [Аскольдов-Алексеев 1928], А.П. Бабушкин [Бабушкин 1997], Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1996], Д.С. Лихачёв [Лихачёв 1997], А. Вежбицкая [Вежбицкая 1999], З.Д. Попова и И.А. Стернин [Попова, Стернин 1999], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1999], С.С. Неретина [Неретина 1999], Ю.С. Степанов [Степанов 2001], В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин [Карасик, Слышкин 2001] и другие исследователи.

Помимо этого, закреплённый и давно известный в науке термин «концепт» и далее концептологический подход нередко возникает в исследованиях литературоведческого направления, что приводит к определённым научным результатам. Такой подход был осуществлён в научных трудах таких филологов, как Д.С. Лихачёв [Лихачёв 1997], Г.Г. Слышкин [Слышкин 2000], Ю.С. Степанов [Степанов 2001], И.П. Черкасова [Черкасова 2005], А.А. Андриенко [Андриенко 2009], О.Ю. Щибря [Щибря 2011], Е.А. Огнева [Огнева 2013], Ю.А. Ревво [Ревво 2017] и другие.

В рамках данного исследования рассматривается концепт «путь», который считается знаковым в русской языковой картине мира, в контексте романа-жития современного русского писателя и литературоведа Е.Г. Водолазкина «Лавр» (2012), где обозначенный концепт представляется стержневым. Концепт «путь / дорога» является одним из привлекающих внимание учёных с художественной точки зрения. В творчестве вообще или в каком-либо определённом произведении писателей, поэтов и драматургов этот концепт с выявлением специфики изучался следующими исследователями:

И.Н. Хольмстрем в прозе Н.В. Гоголя [Хольмстрем 2007], И.Л. Новокрещенова в мировоззрении Вс. Иванова [Новокрещенова 2007], Ю.А. Дмитриева в творчестве Н.С. Гумилёва [Дмитриева 2018] и другие.

Произведение «Лавр», несмотря на своё недолгое существование в литературно-культурном поле, является одним из самых популярных романов, а фигура Е.Г. Водолазкина известна массовому читателю. Роман выделяется своей жанровой спецификой, которая определяется как житие, написанное на современном литературном языке, которое понятно и интересно нынешним читателям.

В среднеобразовательных школах на дополнительных курсах по выбору педагог вправе выбирать для обсуждения с учениками те тексты, которые не обозначены в утверждённых ФГОС программах дисциплины «Литература». Рабочие программы по литературе под редакцией В.Я. Коровиной [Коровина 2005], В.Г. Маранцмана [Маранцман 2005], Б.А. Ланина [Ланин 2014], С.А. Зинина и В.А. Чалмаева [Зинин, Чалмаев 2018] и других методистов не предполагают знакомство с современным писателем в целом и данным произведением в частности, исключения составляют обзорные темы в некоторых программах о тенденциях русской литературы последних десятилетий в виде уроков-лекций в 11 классах. Однако роман может быть привлечён как источник для анализа в рамках дополнительных курсов по выбору в старшей школе.

Всё выше перечисленное представляет собой обоснование **актуальности** настоящего исследования.

Целью представленной исследовательской работы видится анализ концепта «путь» в романе-житии Е.Г. Водолазкина «Лавр» с перспективой на использование полученных материалов для курсов по выбору в старших классах общеобразовательной школы.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить и обобщить уже существующие разработки о понятии «концепт» в рамках настоящего исследования.
2. Проанализировать опыт представлений о концепте «путь» в сознании русскоговорящего и обозначить место заданного концепта, занимаемое им в русской языковой картине мира.
3. Рассмотреть реализацию анализируемого в настоящем исследовании предмета в рамках произведения Е.Г. Водолазкина.
4. Выявить специфику изображения данного концепта как заглавного в контексте романа.
5. Создать и обосновать методический материал в помощь учителю-словеснику по заданной теме исследовательской работы.

Объектом настоящего исследования выступает роман-житие Е.Г. Водолазкина «Лавр».

Предметом данной дипломной работы является стержневой концепт «путь» в произведении современного писателя.

Для решения поставленных исследованием задач и достижения обозначенной цели используются следующие **методы**: контекстуальный и семантический анализ, сравнительно-сопоставительный метод, концептуальный метод.

Материалом для настоящего исследования служит непосредственно сам текст художественного произведения Е.Г. Водолазкина и использование выделенного концепта «путь» в рамках романа.

Теоретическая значимость представленной исследовательской работы заключается в описании концепта как языковедческого феномена и анализируемого концепта «путь» с лингвистической и литературоведческой точек зрения, а также отражение заданного исследованием концепта в контексте современного произведения с теоретической стороны.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в использовании описанного материала учителем-словесником для

дополнительных курсов по выбору в старшем звене средней школы для проведения занятия по теме «концепт» и для знакомства с данным лингвистическим термином на материале текста художественной литературы, а также студентами филологического направления при подготовке к семинарам.

Настоящее исследование **апробировано** на «XI научно-практической конференции, посвящённой Дню славянской письменности и культуры» в рамках XXIII Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых учёных «Молодёжь и наука XXI века» (25.05.2022 г.).

Структура настоящего исследования включает введение, три главы (теоретическая, практическая и методическая части), заключение, список использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПОНЯТИИ «КОНЦЕПТ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Концепт как образование и процесс деятельности, специфика концептологического подхода

В настоящее время в языкознании и литературоведении концептологический подход представляется очень обширным, семантически наполненным и действенным для анализа какого-либо предмета, представляющего научный интерес.

Согласно определению лингвиста Е.С. Кубряковой, данному в «Кратком словаре когнитивных терминов», **концептуализация** – это, с одной стороны, процесс структурирования знаний о реалиях действительности в сознании отдельного индивида в частности и коллектива вообще; с другой же – это результат описанного процесса, который выражается в приобретении и использовании в дальнейшем определёнными понятиями и единицами языка разного уровня (от фонетического до синтаксического), которые номинируют данные понятия, регулярных или ситуативных (то есть разовых) приращённых значений [Кубрякова и др. 1996, с. 93]. Обозначенный термин «концептуализация» является одним из ключевых понятий в когнитивной лингвистике. Данный процесс во многом соприкасается и тесно связан с процессом категоризации, поскольку и то, и другое представляется видом классификационной деятельности какого-либо феномена. Однако разница между выделенными операциями заключается в поставленной цели и впоследствии полученном результате: если концептуализация направлена на выявление минимальных единиц опыта индивида в рамках идеального содержательного представления, то категоризация ставит перед собой задачу объединить в обширные разряды отдельные элементы, которые проявляют сходство в каком-либо аспекте или характеризуются тождественностью.

Концептуализацию также можно рассматривать в качестве живого процесса порождения, формирования и образования новейших и

трансформирующихся смыслов. Исходя из этого, для исследователя-когнитолога расширяется круг проблем:

- каким образом возникают новые концепты;
- в какие отношения вступает образовавшийся концепт с уже действующими в поле концептуальной структуры и как уже имеющиеся концепты ограничивают функционирование формирующегося;
- чем объясняется способность человека регулярно пополнять концептуальную систему новыми элементами и расширять данное поле и другие вопросы.

Так, изучение процесса концептуализации связывается с семантикой в целом и с разделом концептуальной семантики в частности, поскольку познавательный процесс во многом является процессом образования и изменения концептов-смыслов.

Сама же дефиниция **концепт** рассматривается и в качестве многоаспектного образования, призванного служить разъяснению единиц психических или ментальных ресурсов человеческого сознания и информационной системы, отражающей знаниевый компонент и опыт индивида (данное образование формируется из системы образных, понятийных, а также ценностных аспектов); и в качестве культурно обозначенного вербализированного значения, которое выражено рядом языковых проявлений, образующих необходимую семантическую общность слов [Кубрякова и др. 1996, с. 90]. Понятие концепта соответствует представлению тех смыслов в сознании, которыми человек оперирует во время мыслительного процесса и которые выражают содержание многочисленных знаний о мире и полученного в ходе разного рода деятельности жизненного опыта как отдельно взятого индивида, так и в масштабах человеческого сообщества.

Концепты объединяют в цельную структуру то многообразие явлений и представлений, с которыми сталкивается человек, систематизируя их и определяя в один раздел. Благодаря концептам сохраняются и накапливаются знания о мироустройстве, а также выстраивается индивидуальная концептуальная структура, так как обрабатывается и видоизменяется субъективный опыт человека с помощью подведения новой полученной информации под конкретные, выработанные и закреплённые обществом классы и бытийные категории. Так, всю познавательную деятельность человека на протяжении жизни можно охарактеризовать как развивающую способность ориентироваться и находить себя в мире. Указанная деятельность тесно связана с потребностью отождествлять друг с другом либо разделять друг от друга различные объекты и явления, для осуществления процессов подобного рода и возникают концепты.

Как отмечает лингвист Р.И. Павилёнис, для формирования концептуальной структуры как системно упорядоченной организации совокупности всех концептов в сознании человека необходимо предполагать, что в концептуальном поле существуют первичные (исходные), уже имеющиеся концепты, из которых развиваются другие [Павилёнис 1983, с. 102]. Природа концепта отличается тем, что концепты как интерпретаторы значений и смыслов регулярно подвергаются изменениям и уточнениям. Концепт, который только вступает в ряд с другими элементами концептуальной структуры, не подвергается анализу, но после того, как он становится частью данной системы, оказывается объектом влияния других, уже зафиксировавшихся в поле концептов и подвергаются модификациям.

Исследователь С.А. Аскольдов-Алексеев выделяет следующую отличительную черту в понимании концепта – функция заместительства. То есть концепт как ментальное образование призвано замещать собой множество объектов и понятий одного рода во время мыслительного процесса [Аскольдов-Алексеев 1928, с. 31]. Д.С. Лихачёв, рассматривая позицию Аскольдова-Алексеева, считает, что концепт функционирует не для слова как

такового, а для каждого отдельного лексического значения слова, с одной стороны, и как «алгебраическое» выражение значения, который используется в устной и письменной речи, так как человек не способен охватить значение в полной мере [Лихачёв 1997, с. 150].

Считается, что концепт тем богаче, чем обширнее и более наполнен национальный, классовый, сословный, семейный, профессиональный опыт индивида, в сознании и языковой картине мира которого используется концепт. Исходя из этого, Лихачёв выводит понятие «концептосфера» в значении общности некоторых потенциалов, которые открываются в лексическом запасе отдельно взятого человека и всего корпуса языка в целом [Лихачёв 1997, с. 153]. Богатство и семантическая наполненность концептосферы любого национального языка напрямую зависит от разнообразия и богатства культуры самой нации – начиная от фольклора и всех видов искусства и заканчивая наукой, а также она соотносится с исторической памятью нации и религиозной сферой.

Как уже было описано выше, концепты вступают во взаимодействие, причём как ново формирующиеся и уже имеющиеся в структуре, так и те, которые уже сосуществуют в рамках концептуального поля. Отдельно взятая концептосфера способна сочетаться с другой: например, концептосфера русского языка как невероятно обширная система включает в себя подсистему концептосферы учёного-исследователя, в неё же входит – концептосфера семейная, а в неё – индивидуальная. То есть каждая следующая структура ограничивает, но и одновременно с тем распространяет и углубляет предыдущие концептосферы.

В ходе аналитической работы характерных особенностей и признаков процесса и результата концептуализации, а также во время моделирования структуры поля заданного концепта крайне важно принимать во внимание органический синкретизм двух свойств: 1) континуальности (то есть непрерывности, постоянности) реальных процессов и образований и 2) дискретности (то есть прерывистости, отдельности) конкретных этапов,

типов и проч. Концепт является континуумом (непрерывном, неразрывным образованием), в то время как исследовательская работа любого типа и подхода, которая необходима для определения семантического объёма представленного объекта, связана с процессом расчленения, дифференциации континуальной целостности концепта как структуры с помощью дискретных средств на отдельно взятые элементы, которые выделяются согласно каким-либо основаниям.

Лексико-семантическое поле понимается как иерархически организованная, структурированная система единиц языка, которые принадлежат к разным частям речи и объединяются каким-либо инвариантным (общим) значением. Известно, что согласно структуре лексико-семантического поля единицы входят в синтагматические, парадигматические и также ассоциативно-деривационные отношения, соответствующие основным измерениям поля и создающие его «объёмное» представление [Белошапкина и др. 1989, с. 234]. Традиционно в полевого подходе описания явлений языка в составе лексико-семантического поля выделяются ядро, приядерная зона и периферия (ближняя и дальняя). Ядром, или по-другому «именем», поля считается единица, выражающая его общее значение – архисему. Приядерная зона формируется за счёт языковых единиц, которые обладают меньшим рядом дифференциальных семантических особенностей. Единицы языка, которые располагаются на периферии, «периферийные», характеризуются специализированным содержанием, более усложнённым и насыщенным, и близко взаимодействуют с элементами других, смежных семантических полей [Лаптева, Уразгалиева 2016, с. 56].

Согласно обобщённым положениям полевого концепции в монографии И.А. Стернина «Лексическое значение слова в речи» обозначаются следующие свойства компонентов лексико-семантических полей:

- ядро консолидируется вокруг доминирующего компонента, а периферия обладает зонной организацией;

- ядерные элементы служат для исполнения функций поля, они систематически и регулярно используются, поэтому более частотны и обязательны как составляющая частица поля в сравнении с другими компонентами;
- переход от границы ядра, приядерной зоны к периферийной отличается размытостью, нечёткостью и происходит постепенно [Стернин 2015, с. 51].

Д.С. Лихачёв видел в концепте также особое поле, особую систему [Лихачёв 1997, с. 153]. По мнению литературоведа, вербализованная с помощью лексических языковых единиц часть концепта состоит из ядерной и периферийной зон подобно полевой структуре и функционирует в языковой картине мира посредством лексем, которые и формируют это поле. Как отмечает исследовательница Е.А. Огнева в монографии «Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста», между лексико-семантическим и концептуальным полем имеется существенная разница [Огнева 2013, с. 47].

Концептуальное поле представляется наиболее масштабным ментальным образованием, в состав которого входят и различные типы когнитивных структур, и многообразные формы ментальных репрезентаций, потому как концепт, являющийся объектом концептуальной системы (структурная единица), возникает и функционирует как на гештальтном (сочетание характеристик образного и понятийного), так и на понятийно-логическом уровнях (то есть уровнях концептуального поля).

Формирование концептуального поля происходит посредством совокупности значений, которые выражаются каким-либо концептом и закладываются в него. Не все составляющие концептуального поля находят своё выражение в знаковой системе языка, поскольку ментальный концепт не может быть полноценно «схвачен» (термин, введённый исследовательницей Е.С. Кубряковой) языковым знаком или даже суммой языковых знаков, так как

находится в постоянном развитии и какая-либо часть этого образования всегда остаётся не означенной вербально. Для исследования концептуального поля необходимо привлечение когнитивного контекста, поскольку ментальное пространство концепта характеризуется многомерной и сложной структурой, в которой ядро концепта составляют наиболее актуальные и чаще употребляемые ассоциации для носителей языка, а периферию концепта – значимые в меньшей степени. Установлено, что резкими, определёнными границами концепт не обладает, поэтому количество ассоциативных слов постепенно сокращается по мере удаления от ядерной зоны [Огнева 2013, с. 48].

Иерархия структуры концепта, которая во многом совпадает со структурой лексико-семантического поля представляется следующим образом:

- ядро концепта;
- приядерная зона;
- ближайшая периферия;
- дальняя периферия;
- крайняя периферия.

Ядро концепта является когнитивно-пропозициональной структурой базового уровня, которая включает в себя основные, главные знания об определённом концепте. *Ядерная зона* концепта – это универсальный элемент, который определяется согласно семантическим признакам заглавного слова-имени рассматриваемого концепта, то есть согласно содержательным элементам базовых репрезентантов, закреплённых в словарях и несущих в себе потенциал последующего развития концепта. Вокруг ключевого, заглавного слова в ядре находятся лексемы, семемы которых равняются архисеме самого поля – синонимы и антонимы.

Приядерная зона включает в себя регулярные, типичные и наиболее частые лексико-семантические представления и конструкции, отражающие в

полной мере денотативную структуру ситуации (составляющие объективного мира, которые характеризуются событийным признаком в границах текста [Петров 2008, с. 279]), которая отражается в свою очередь заданным концептом.

Ближайшая периферия образовывается из лексических единиц, семемы которых обладают резкой дифференциальной семой имени концептуального поля [Попова, Хорошунова 2003, с. 34].

Дальняя периферия состоит из лексико-синтаксических репрезентаций заданного концепта, которые осложняются совокупностью разнообразных субъектно-модальных значений и смыслов, включённых в границы концептуального поля. Дальняя периферия формируется за счёт лексем, семемы которых включают в себя слабую, неярную дифференциальную сему имени концептуального поля.

Крайняя периферия состоит из лексических единиц, семемы которых обладают скрытыми семами, которые указывают лишь на некоторое, косвенное отношение к имени концептуального поля. Одна лексема по разным семемам способна проникать в разные полевые зоны, а также в разные поля [Попова, Хорошунова 2003, с. 35].

Таким образом, концепт и в понимании процесса формирования и построения определённой структуры, и в понимании образования мыслительной деятельности человека является одним из ключевых элементов языковой картины мира как в рамках индивидуального поля каждого отдельно взятого индивида за счёт личного опыта, так и в масштабах языка конкретной нации за счёт совокупности культурных, исторических и социальных явлений, которые влияют на природу любого концепта и его место в данной системе. Сложная структура концепта состоит из зон (ядерная, приядерная и периферийные зоны), основные характеристики которых описаны выше.

1.2. Особенности концепта «путь» и его место в русской языковой картине мира

Выбранный нами с целью анализа концепт «путь» в языковой картине мира занимает весьма значимое, едва ли не главное место, особенно в русской ментальности. В русской языковой картине мира выделяемый концепт как многомерное и многоаспектное образование предстаёт в качестве одной из самых насыщенных категорий с разнообразным семантическим полем.

Одной из важнейших категорий, которая отражает картину мира каждой нации, является категория пространства, ориентация, определение собственного места индивида во всём мире и в рамках отдельного топоса, его разделение, разграничение пространства на категории «своё» и «чужое». По мнению Ю.М. Лотмана, семантика пространства играет знаменательную, если не главенствующую, роль в формировании и образовании картины мира какой-либо культуры [Лотман 1996, с. 205]. Суперконцепт «пространство», в который входит концепт «путь», в рамках как русского, так и зарубежного литературоведения изучался, прежде всего, М.М. Бахтиным в синтезе с категорией времени [Бахтин 1975]. Однако понятие «хронотоп», которое до сегодняшнего дня активно используется в научной терминологии, было введено физиологом и создателем учения о доминанте А.А. Ухтомским и обозначало «закономерную связь пространственно-временных координат» [Ухтомский 2002, с. 347]. В рамках настоящего исследования объектом анализа выступает элемент суперконцепта «пространство» – концепт «путь».

Совершенно объяснимо, что в структуре суперконцепта, обозначенного нами в научной работе, движение как перемещение внутри пространства занимает одно из принципиально важных и особых мест. В пространственном контексте «путь / дорога» является заглавной составляющей, универсалией. Данный тезис выдвигался в работах Н.Д. Арутюновой в научном труде «Логический анализ языка. Языки динамического мира» [Арутюнова 1990], Т.Б. Щепанской в монографии «Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв.» [Щепанская 2003], О.В. Пыстиной в исследовании

«Семантическое поле “путь / дорога” в картине мира носителя языка» [Пыстина 2009] и других научных работах.

Как уже было указано нами выше, составляющая суперконцепта «пространство» концепт «путь» является лексико-семантическим образованием, крайне важным в языковой картине мира русского народа. Эту мысль развивали такие лингвисты, как В.А. Маслова, О.О. Ипполитов и другие учёные. Исследователи Ю.Н. Караулов и Н.В. Уфимцева считают, что понятие «путь / дорога» не только входит в семантическое ядро сознания русскоговорящего человека, но и связывают обозначенный концепт с семантическим полем (гештальтом) под наименованием «жизнь». Выдвинутую метафору «жизнь – путь / дорога» выделяет и анализирует в том же аспекте исследовательница В.В. Красных в работе «Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке)». Лингвист отмечает, что всякое проявления человека, его жизнедеятельность и сама жизнь может метафорически осмысливаться через концепт «путь / дорога» [Красных 2008, с. 151].

Таким образом, можно сделать вывод о вышеуказанном, что описываемый нами концепт «путь» представляется в двух ипостасях: с одной стороны, это важнейший элемент суперконцепта «пространство» как совокупности иных, меньших концептов, с другой же – концепт «путь» представляется как отдельная составляющая, самостоятельная концептуальная единица, которая входит в важнейшие парадигмы бытовой сферы (например, «жизнь – смерть», где *жизнь* – это синоним к лексеме «путь» или целое, включающее само преодоление пути, а *смерть* – окончание пути человека).

В многоуровневой, сложной структуре концепта «путь» находят своё отражение древние, фольклорно-мифологические, философско-религиозные представления, а также прямой, метафорический и ассоциативный уровни мировосприятия и мировидения. Представления о пути, странствии, дороге, путешествии возникают как в старой (то есть традиционной), так и в новой

сфере культуры: народная и элитарная культуры, ритуалы и обряды разных народов и этносов, разножанровые фольклорные и церковно-книжные тексты, художественные произведения прозы и поэзии и иные виды искусства.

В фольклорных жанрах (былины, сказки, обряды, суеверия, заговоры, приметы и других текстах) концепт «путь» изображается как в буквальном смысле, так и иносказательном, где путь / дорога представляется судьбой, жизнью («жизненный путь»), долей (зачастую употреблением эпитета «тяжёлая» или прилагательным «женская»). «Путь» связывает между собой две противоположные категории, не менее значимые в культуре русскоговорящих, – «своё» и «чужое», уже затронутые нами выше. В продолжении этой цепочки выступают понятия «обжитое» и «неизвестное», «безопасное пространство» (напрямую связан с концептом «дом») и «опасное пространство». Кроме того, «путь» объединяет и раскрывает оппозиционную связь «жизнь – смерть», связывая собой эти два состояния, два элемента существования всего живого. Настолько для славян уже не один век подряд концепт «путь» играет исключительную роль в сознании каждого отдельного индивида.

В рамках настоящей дипломной работы концепт «путь» ранее неоднократно заменялся на сочетание «путь / дорога». Дело в том, что обозначенный концепт в русской языковой картине мира выражается двумя лексемами – *путь* и *дорога*, объединённые общеславянским происхождением, однако это отличные друг от друга в семантическом смысле понятия и сочетающиеся с разными словами. В диссертационной работе «Концепт “Путь” в русской языковой картине мира» исследовательница С.Г. Дрыга разводит данные языковые единицы, акцентируя внимание на их, прежде всего, семантической и словообразовательной разнице, тем самым объясняя выбор наименования концепта и не ставя знак равенства и взаимозамены между этими понятиями. Согласно проведённому лексикографическому анализу учёный приходит к выводу, что дефиниция «путь» характеризуется куда более широким семантическим полем в сопоставлении с определением

«дорога»: во-первых, понятие «путь» включает в себя основные значения лексемы «дорога» и большинство его оттенков; а во-вторых, лексема «путь» обличается уникальными смыслами, не свойственными второму понятию, и эти значения свидетельствуют о семантическом развитии и развитии языкового потенциала данной языковой единицы [Дрыга 2010, с. 14-15]. Таким образом, целесообразным кажется и исследовательнице в рамках диссертационной работы, и впоследствии нам в контексте настоящего исследования наименование концепта «путь» без признака синонимичности пары «путь / дорога».

Анализ лексем «путь» и «дорога» на словообразовательном уровне, которые выступили как производящие слова, позволил установить, что языковые единицы неоднородны с точки зрения деривационного потенциала. От лексемы «дорога» можно образовать 38 производных (например, *дорожка, дорожный, подорожник* и другие), а от лексемы «путь» в два раза больше – 79 (например, *путьеводный, путник, путьеводитель, попутный, путешествовать* и другие), что также указывает на обширный и насыщенный семантический пласт выбранного имени концепта «путь» в сравнении с описываемым словом «дорога».

Кроме языковых единиц «путь» и «дорога», в лексическое ядро концепта «путь» входят понятия «стезя» и «тропа», которые выступают в качестве синонимов к основным, первоначальным значениям базовых лексем. Однако на контрасте с лексемами «путь» и «дорога» указанные понятия не обладают столь же высокой частотой употребления и выделяются весьма низкими семантическими и грамматическими возможностями в современном русском языке (ограниченное поле использования, стилистическая маркированность, отсутствие производных лексем).

Как указывает С.Г. Дрыга, проведённый анализ ассоциативных связей языковых единиц «путь», «дорога» и «тропа» позволил расширить границы семантического содержания заданного концепта разнородными реакциями

[Дрыга 2010, с. 15]. Среди полученных ассоциаций выделяются следующие реакции:

- те, что мотивированы (напрямую или косвенно) словарными значениями данных понятий или общими традиционными мифопоэтическими образами о рассматриваемых лексемах;
- те, что формируют связь в сознании индивидов с историческими событиями, определёнными реалиями, отдельными людьми, деятелями в общественной или культурной сфере, вымышленными героями из наиболее известных и значимых произведений литературы, живописи, театра, кинематографа и других видов искусства.

В параграфе 1.2. была представлена и подробно охарактеризована иерархическая структура концепта, которая может быть применена к абсолютно каждому анализируемому исследователем концепту-предмету.

В структуре рассматриваемого концепта «путь» С.Г. Дрыга выделяет ядро, приядерную зону, ближнюю и дальнюю периферии [Дрыга 2010, с. 16]. В своей работе исследователь выносит за рамки лишь крайнюю периферию и не выделяет её, ограничиваясь двумя разновидностями периферийных зон, однако это представляется нам логичным и аргументированным, пусть и является отступлением от традиционной структуры, описанной З.Д. Поповой и И.В. Хорошевой [Попова, Хорошунова 2003, с. 35]. Как уже было сказано ранее, очерченных границ между этими элементами нет, они диффузны. Поле дальней периферии открыто, поскольку сложно или почти невозможно ограничить принципиально конечным числом смысловых групп или контекстов. Дискретирование анализируемого концепта «путь» с точки зрения полевого подхода, наполняемость и разграничение отдельно взятых областей поля концепта отличаются условностью и неоднозначностью. Это связано с несколькими факторами: 1) онтологическая натура континуумов (концепт и текст); 2) научные цели и задачи, которые ставит перед собой исследователь;

3) антропологический – личность интерпретатора-исследователя текста, отличительные черты его собственной, индивидуальной языковой картины мира.

Поле концепта «путь», которое реконструируется на уровне фразеологическом, также состоит из четырёх элементов: ядро, приядерная зона, периферии ближняя и дальняя. Языковое содержание каждой отдельно взятой области концептуального поля фразеологическими единицами регламентируется и определяется степенью проявления главного семантического признака. В состав *ядра* полевой концептуальной структуры входят фразеологические единицы с основными, первостепенными репрезентантами анализируемого концепта «путь» – это лексемы «путь», «дорога», «стезя», «тропа» и дополнительно равноправные варианты («путь» либо «дорога») или бином «путь-дорога». Несмотря на более насыщенный и наполненный с семантической точки зрения объём лексемы «путь» в сопоставлении со словом «дорога», фразеологический фонд, отражая и представляя концепт «путь», в количественном соотношении тяготеет к понятию «дорога», поскольку частотность использования именно данной лексемы приблизительно в два раза превышает использование слова «путь» в границах фразеологического корпуса, остальные же лексические единицы характеризуются ещё меньшим процентным уровнем использования.

Приядерная зона полевой концептуальной структуры содержит фразеологические единицы, которые включают в себя слова-дериваты главных анализируемых лексем с корнями *пут-* и *дорог-* (дериваты единиц «тропа» и «стезя» не выделяются и не включаются). Однокоренные слова, производные от основных репрезентантов, отличаются дифференцированностью с точки зрения семантики.

Ближняя периферия полевой концептуальной структуры состоит из описывающих заданный концепт фразеологических контекстов, которые обнаруживают довольно сильную семантическую связь с главными, основными смысловыми элементами концепта «путь». Другими словами, это

те фразеологические единицы, обладающие в своей структуре словами-компонентами, которые в регулярных (то есть словарных) значениях содержат сему «путь» или «дорога».

Дальняя периферия полевой концептуальной структуры, в свою очередь, те контексты, репрезентирующие рассматриваемый концепт, которые обнаруживают слабую непосредственную семантическую связь с главными, основными смысловыми элементами концепта «путь», но в то же время встраиваются в данную зону как лексемы-ассоциации. В противовес лексико-фразеологической базе, включающийся в состав ближней периферии, в описываемую область входят те фразеологические единицы, обладающие в своей структуре словами-компонентами, которые в ситуативных (то есть приращённых, нерегулярных) значениях содержат сему «путь» или «дорога».

Согласно полученным результатам анализа фразеологических контекстов с использованием лексемы «дорога» исследование показало, что необходимо выделять дальнейшие приращённые значения:

- 1) жизнь как дорога, которая богата на опасности и соблазны;
- 2) судьба каждого человека как выбранная им дорога;
- 3) дорога как тяжёлое испытание в жизни человека, для преодоления которого необходимо использование внутренних сил, умственных способностей, волевых качеств и других личностных черт;
- 4) дорога как испытание дружбы людей, товарищества и верности этому чувству;
- 5) преодолённая дорога как пример, образец для следующих за ним;
- 6) дорога как необъятной широты простор для созидания и исполнения деятельности;
- 7) дорога как путь на другой, «тот» свет, к смерти;
- 8) форма «при дороге» реконструирует, актуализирует значение беспокойности, незащищённости;

- 9) в фразеологизме «на большой дороге» выделяется значение «грабёж», «воровство», «хулиганство»;
- 10) устойчивые сочетания, включающие элементы «перебежать / перейти дорогу» и «поперёк дороги» отражают значение «создавать некоторые трудности, препятствовать осуществлению какой-либо деятельности».

Согласно результатам анализа фразеологических единиц с употреблением лексемы «путь» было установлено, что наблюдается близкая семантическая связь между некоторыми приращёнными значениями данного слова, которые возникают в пословицах и поговорках, и между значениями лексемы «дорога», которые представлены выше:

- 1) жизнь как путь, который богат на опасности и соблазны;
- 2) путь как тяжёлое испытание в жизни человека, для преодоления которого необходимо использование внутренних сил, умственных способностей, волевых качеств и других личностных черт;
- 3) пройденный путь как пример, образец для следующих за ним;
- 4) путь как путь на другой, «тот» свет, к смерти.

Указанные приращённые смыслы во многом совпадают со смыслами, которые характерны для проанализированной с фразеологической точки зрения выше лексемы «дорога», но при этом важно отметить, что перечисленные значения не являются главными, основными, поскольку в количественном соотношении контексты, которые репрезентуют выделенные смыслы, малочисленны. Большей частотностью отличаются следующие значения:

- 1) путь как что-то хорошее, правильное, благое;
- 2) путь как правильно выбранное направление, траектория движения («жизненный путь»).

Как уже отмечено выше, на лексическом языковом уровне синонимы «путь» и «дорога» расходятся в периферийных оттенках значения, в то же время на фразеологическом уровне семантические расхождения более ярко и чётко прослеживаются, они намного существенны. Так, «путь» зачастую олицетворяет собой направление, заданную траекторию передвижения, которая может оказаться верной или неверной, кто-то (например, высшие силы, Бог) либо что-то (например, сложившиеся обстоятельства) может указывать её человеку, а может непосредственно сам человек выбирать, определять и выстраивать для себя. В контексте описываемой лексической единицы «путь» характеризуется отвлечённым характером содержания, включая в себя семы «верность», «истинность», «правильность»; данный тезис подтверждается и доказывается сочетаемостью с единицами, которые обладают религиозной, христианской символикой. В противовес проанализированной выше единице лексема «дорога» осмысливается и представляется конкретным объектом мысли, по которому можно перемещаться и в границах которого осуществляются разного рода действия.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемый концепт «путь» объясняет особенности языковой картины мира носителей русского языка, которая включает в свои границы следующие бытийные категории, во многом представленные во взаимообусловленной связи, которая поддерживается и развивается благодаря объекту концепта: пространство и время (хронотоп), жизнь и смерть. Кроме того, выделенный концепт представляется репрезентантом оппозиционных компонентов «своё – чужое», «дом – вне дома» и других противопоставленных друг другу пар. Также доказано, что наименование концепта «путь» не приравнивается к имени «путь / дорога», поскольку лексическая единица «дорога» характеризуется меньшим наполнением с семантической точки зрения, чем обозначенная и закреплённая лексема «путь».

Подведя итог, можно сказать, что само понятие «путь» как концепт, являющийся многомерным и многоаспектным образованием, и как явление

встраивается в парадигматическую цепь категорий бытия в роли наиболее значимых как для русской ментальности в частности (если занимает не лидирующую, доминирующую позицию), так и для других культур в целом. Также анализируемое образование, как и другие концепты, характеризуется сложной конструкцией и иерархической структурой, однако границы между зонами можно назвать условными, поскольку не отличаются чётким разграничением и линии между ними весьма расплывчатые и неяркие.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТ «ПУТЬ» КАК СТЕРЖНЕВОЕ ПОНЯТИЕ В РОМАНЕ-ЖИТИИ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

2.1. Специфика авторского жанрового определения произведения

Центральным понятием в произведении современного русского писателя-литературоведа и специалиста по древнерусской письменности Евгения Германовича Водолазкина «Лавр» становится «путь». Это является сюжетообразующим мотивом романа-жития: главный герой как в физическом, буквальном понимании является путником, перемещаясь по карте, так и в метафорическом, философском смысле, поскольку мальчик, с которым всеведущий нарратор знакомит читателя на первых страницах произведения, становится мудрецом, искупившем свою вину и вознёсшимся над остальными. О «путевой» теме сигнализирует и авторское жанровое наименование – «роман-житие», отсылая к популярному в контексте древнерусской литературы жанру. Однако одни исследователи-литературоведы относили роман к агиографической литературе, например, Н.В. Трофимова; другие связывали с древнерусскими «хождениями», как об этом говорила О.А. Гримова; третьи видели с произведении современного писателя античный роман (А.Д. Маглий); четвёртые же обращают внимание на подзаголовок «Неисторический роман», рассматривая аспект исторического контекста, но не включая «Лавр» в ряд текстов исторического плана. Но несмотря на жанровое разнообразие, представленное в научных статьях, литературоведы сходятся во мнении об определении жанра произведения, что «Лавр» – роман-житие.

Сам Е.Г. Водолазкин говорил о выбранной жанровой основе, концепции и форме своего произведения следующим образом: «Проблема описания “положительно прекрасного человека” чрезвычайно сложна. На современном материале решать её почти невозможно, а если и возможно, то для этого нужно быть автором князя Мышкина. Я понимал, что, взятый с нынешней улицы, такой герой будет попросту фальшив. И я обратился к древней форме – к **житию** [*выделение наше*], только написал это житие современными

литературными средствами» [Российская газета 2013]. Таким образом, представленное произведение необходимо рассматривать именно в заданном писателем направлении. В то же самое время необходимо понимать, что «житие» в каноническом значении и современное «житие» Водолазкина имеют расхождения, хотя второе генетически рождается из первого, но авторские отступления от образцовой формы и составляют специфику данного произведения.

Прежде всего, необходимо дать определение выделенному литературному термину. Житие в Древней Руси являлось жизнеописанием или биографией какого-либо представителя христианской религиозной системы, который выделялся из общей христианской массы: церковной деятельностью, аскетическим поведением или же таким способом служения Богу, как юродство [Ерёмин 1941, с. 87]. Написание данного текста служило сохранением памяти и прославлением поступков и биографии изображаемого святого, так как главными героями в подобных текстах выступали духовные, признанные церковью святыми лица. Возникновение житий как специфического жанра литературы датируется II веком, причиной этому литературному явлению стало преследование христиан, которые пострадали за отстаивание своих убеждений, – мучеников. Архаичная, древняя разновидность житий именовалась «мартирий» (от слова «мученичество») и характеризовалась несложной композицией: допрос описываемого героя, выносимый ему приговор, смерть мученика.

Каноническая композиционная структура жития обязательно включает в себя три составляющих: вступление, собственно житие, заключительная часть [Ерёмин 1968, с. 14]. Житийное вступление отличается элементами прощения автора у читателей текста (за неумение складно писать, за грубость повествования, за недостаточность таланта к написанию текста и другие причины) – «самоунижение агиографа» [Боева 1981, с. 243]. Также создатель текста объясняет, почему он решил попытаться и отважился описать жизнь святого, несмотря на тот факт, что он греховен и недостаточно учён для такого

дела. Нередко автор делится с читателем своим путём по сбору материалов о жизни описываемого героя: «ходил по местам подвигов святого, разговаривал с благочестивыми людьми, которые знали его, и спрашивал о герое» [Ерёмин 1941, с. 88]. Заключительная «глава» текста выделяется обязательным наличием похвалы святому, исключительная жизнь которого описывалась в собственно житийной части, – это своего рода торжественная, восхваляющая ода в прозаической форме. Данный элемент был одним из самых ответственных и важных из всех составляющих житийного текста для автора, поскольку от писателя требовались умение к созданию литературного произведения и хорошие знания в области риторики, именно здесь проявлялся в большей мере его потенциал как литературного творца.

Е.Г. Водолазкин изменяет композиционную структуру и отходит от житийного канона, поскольку вместо закреплённой трёхчастной повествовательной модели русский писатель трансформирует её в пятичастную. В качестве вступительной «главы» выступает Прологомена (в др.-греч. переводится как «предисловие, введение»), которую сложно сравнить с традиционным житийным вступлением, так как здесь нет «самоунижения» в данном случае нарратора и его фигура никак не обозначается. Во вступительной части читателя сразу знакомят с главным героем, кратко описывая его жизнь: *«В разное время у него было четыре имени. В этом можно усматривать преимущество, поскольку жизнь человека неоднородна. <...> У него было также два прозвища. Одно из них – Рукинец – отсылало к Рукиной слободке, месту, где он появился на свет. Но большинству этот человек был известен под прозвищем Врач, потому что для современников он прежде всего был врачом»* [Водолазкин 2014, с. 7]. Знаковым и чрезвычайно важным моментом является то, что во вступлении, первой части заостряется внимание на имени персонажа, поскольку категория «имя» в контексте произведения занимает одно из ключевых мест, что связано с целой совокупностью концептов в романе, в том числе и концептом «путь».

Однако часть «Пролегомена» находит своё сходство с каноническим житийным вступлением. Обратим внимание на анафорическое начало нескольких абзацев: «*Говорили врачи. <...> Говорили больные. <...> Говорили родственники больных*» [Водолазкин 2014, с. 8]. Повторяющееся неопределённо-личное сказуемое «*говорили*» можно сопоставить со словами агиографа традиционного жития о тех источниках, с помощью которых он набирал материалы для описания необычного жизненного пути и поступков фигуры святого.

Основная часть, в которой описывалось непосредственно житие святого, в канонической структуре также имела строго закреплённый план изложения повествования. Учёный И.П. Ерёмин выделяет следующую модель, согласно которой строилась часть с описанием жизни героя:

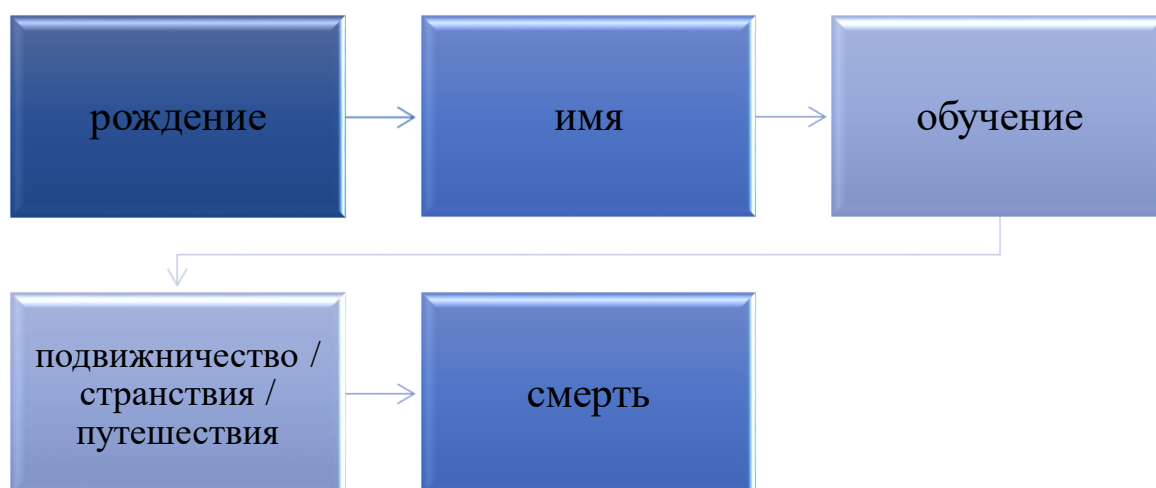
1. родители и родина святого;
2. этимологический смысл его имени;
3. обучение;
4. отношение к браку;
5. подвижничество;
6. предсмертные наставления;
7. кончина;
8. чудеса;
9. заключение.

Согласно данному каноническому плану излагались не конкретные и достоверные биографические сведения об описываемом святом, а лишь те элементы его биографии, которые отвечали обобщённому и канонизированному типу христианского героя: с раннего возраста в нём проявляются все признаки и знаки благочестиво настроенного человека, он отличается одарённостью и талантами в обучении какому-либо делу, затем отказывается от брачных уз, также он способен дарить добро обществу и творить, создавать чудеса, обладает умением входить в непосредственный

контакт с неземными существами (ангелами или бесами) и другие характерные черты [Ерёмин 1941, с. 81]. Всё в этом человеке с самого детства говорит об исключительности его фигуры, особом пути и подчёркнутой значимости в обществе, в котором он живёт или в которое придёт. Житийный герой выделяется из общей массы аскетизмом, уже проявляемым в раннее время, безграничной добротой, смиренностью и отмеченной набожностью.

Несмотря на множество сходных черт жанра жития с жанром биографии – описание жизни героя от рождения до смерти, – между ними нельзя поставить знак равенства, поскольку первое отличается от второго нарочито подчёркнутой религиозностью окрашенностью и в первом случае отражены лишь те сведения о чудесной жизни святого, которые соответствуют канонизированному типу христианского героя, как уже было отмечено нами выше. Также биография в привычном понимании термина характеризуется драматическим элементом, динамикой персонажа. В житии описываемый святой статичен, поскольку является исключительностью личностью и избранным с самого момента рождения. Кроме того, на стилистическом уровне тоже есть расхождения: житие отличается наличием возвышенной речи, длинных диалогов и монологов, использованием молитв, употреблением восклицаний агиографа и описанием лирических отступлений.

Исходя из выше перечисленных особенностей основной части житийного произведения, можно сопоставить данные сведения с текстом Е.Г. Водолазкина. Писатель и в этой части трансформирует композиционный строй, отходя от канонической житийной модели изложения повествования. С формальной точки зрения жизнеописание Арсения-Лавра встраивается в традиционную структуру:

Однако на содержательном уровне каждый этап в контексте романа современного писателя вновь отходит от канонических предписаний изображения героя. Герой, подобно святым в житиях, рождён от набожных, благочестивых родителей, рождение Арсения представляется чудом, это был вымоленный ребёнок: «...просила для своего младенца лишь одного: жизни. Арсений был третьим её ребёнком. Родившиеся ранее не пережили первого года» [Водолазкин 2014, с. 13]. В связи с этим событием (как однократным случившееся и повлёкшее за собой кардинальные изменения) и религиозным поведением родителей сын был назван в честь христианского святого Арсения Великого од одной дате рождения. Несомненно, их судьбы связаны, однако Арсений Водолазкина не повторяет жизнь святого Арсения, хотя имена с семантической точки зрения заслуживают отдельного внимания и кончины двух героев похожи: оба просят о погребении без похоронных обрядовых действий: «Привяжите к ногам верёвку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам» [Водолазкин 2014, с. 433].

Житийный герой, как было указано ранее, статичный, он является святым уже с рождения, чего нельзя сказать об Арсении-Лавре, который получает этот статус лишь спустя время путём преобразования души, через катарсис и отречение от мирского. Изначально персонаж Водолазкина описывается как не совсем обычный, однако приземлённый человек, живущий среди мирян и характеризующийся схожими страстями, совершающимися ошибками. Динамичность развития персонажа прослеживается и фиксируется

нарратором, чего нельзя сказать о герое житийном, в образе которого не подразумевается никакого движения, поскольку он априори находится выше обычных, приземлённых людей, окружающих его, и сразу преподносится читателю как святой. В этой разнице многие учёные-литературоведы находят отражение специфики романного жанра. Например, О.А. Гримова сопоставляет канонический житийный текст с произведением «Лавр» с аспекта интриги: в житиях используется интрига поиска верного, праведного пути, в романских текстах – интрига становления личности персонажа [Гримова 2014]. Исследовательница отмечает, что интрига становления персонажа является производной любовной интриги, отправной точкой жизненного пути Арсения представляется осознание чувства вины за гибель возлюбленной Устины. Слова мудрого старца Никандра о предопределении и избранности судьбы Арсения следующие: *«Тебе кажется, что у жизни не осталось для тебя ничего существенного, и ты не видишь в ней смысла. Но именно сейчас в твоей жизни открылся величайший смысл. <...> У тебя трудный путь, ведь история твоей любви только начинается. Теперь, Арсение, всё будет зависеть от силы твоей любви. И, конечно же, от силы твоей молитвы»* [Водолазкин 2014, с. 113]. После этого начинается тернистый и долгий путь на тот момент Арсения, а к кончине Лавра к Богу, служение героя Высшему, в то время как жизненный путь канонизированного святого житийного предопределён с момента рождения и служение Богу описывается в значении смысла всей жизни, а не целью.

Жанры романа и жития, что так же отмечает литературовед А.А. Шайкин вслед за О.А. Гримовой, имеют существенное сходство и близость в том, что стремятся как можно более полно и развёрнуто описать жизненный путь личности, однако разница между ними заключается во взаимноисключающем эти жанры ценностном ориентире персонажей, чья судьба представляется в текстах: если романский герой видит своей целью достичь успеха в жизни мирской, то житийный – в отрицании такого стремления и в уходе от мирской жизни вообще [Шайкин 2020, с. 99].

Если проследить мотив совершаемых действий «житийного» героя в контексте любовной линии, Арсений не пытается спасти собственную душу, не ищет способов для уподобления себя образу Христа, а стремится посмертно спасти усопшую душу своей возлюбленной, в чьей смерти он является виновным. Сравнимые с чудесами святых, невероятные исцеления, которые Арсений совершает весь жизненный путь, он просит зачесть как добрые дела именно Устине, которые она могла бы совершить, если бы осталась жива. Этот момент демонстрирует невероятно важное и значимое для жанрового сравнения отхождение русского писателя от канонического инварианта. Житийному герою не требовался мотив и не нужна была причина для совершения благочестивых дел и соблюдения модели поведения праведного человека, кроме абсолютного служения Богу. К тому же для любовного мотива, тем более интриги, места в житийном тексте нет, ведь святой отказывается от брачных уз, как уже было уточнено ранее. Е.Г. Водолазкин нарочито вписывает любовную линию таким образом, что она становится сюжетообразующей в контексте романа. Писатель значительно трансформирует каноническую структуру и содержание в большей мере житийного текста, однако таким способом Арсений «очеловечивается» в глазах читателя, выходит за рамки обобщённого и подчёркнуто идеального житийного персонажа, который задаётся с самого начала как канонизированный тип, не характеризующийся динамичностью и кардинальными изменениями своего образа [Джундубаева, Лелюк 2020, с. 217].

Вернёмся к композиции житийного текста в сопоставлении с произведением Водолазкина. Композиционный строй в каноническом житийной структуре отличается линейностью, неторопливостью повествования, последовательным изображением событий из жизни святого; допускаются отступления в виде обращения агиографа к читателю текста или похвала имени изображаемого святого от лица рассказчика, однако линейная структура неизменна. В свою очередь «Лавр» и здесь отходит от предписания

канона, поскольку повествование в данном случае едва ли можно назвать таким же, скорее – циклическим или спиральным. Выделенная особенность была отмечена разными исследователями, например, Ю.А. Говорухина считает, что временная конструкция в произведении выстраивается в спиральном виде [Говорухина 2019, с. 74]. Данная модель подразумевает собой цикличность и повторяемость событий, явлений и действий на ином витке и на ином уровне, поэтому грамотнее будет охарактеризовать понятиями «схожесть» или «подобие».

Так, возникает очередное расхождение между каноническим житийным святым и ставшем святым в произведении Е.Г. Водолазкина: события, даже если отмечались какой-либо повторяемостью, не преображали лик изображаемого героя, а лишь в количественном отношении множили его благочестивые поступки и доказывали избранность этого человека. Арсений-Лавр в свою очередь преодолевает тяжёлый путь, начиная обычным человеком-грешником и возвышаясь до статуса святого, преображается на каждом последующем этапе жизни и фактически каждый новый период сопровождается проживанием новой, другой «жизни». Каждому этапу жизненного пути Арсения соответствуют четыре «Книги» романа, которые и являются в совокупности «непосредственно житием», в котором идёт описание жизни и личности святого (в данном случае в динамике развития ставшего святым), но также не без отступлений от житийного канона.

Время в тексте построено таким образом, что всё указывает на её спиралевидную природу: кроме сцен с птицей харадром (средневековое существо, выполняющее роль диагноста: больной выживет или умрёт), в детстве Арсений видит себя состарившимся мудрецом, беременность и принятие родов главным героем повторяется в жизни молодого Арсения с единственной возлюбленной Устиной и на закате жизненного пути Лавра с деревенской девушкой Анастасией, различные видения из далёкого будущего приходят Амброджо и так далее. Для Арсения проекцией жизненного пути становится спираль, по которой герой с каждым оборотом поднимается выше.

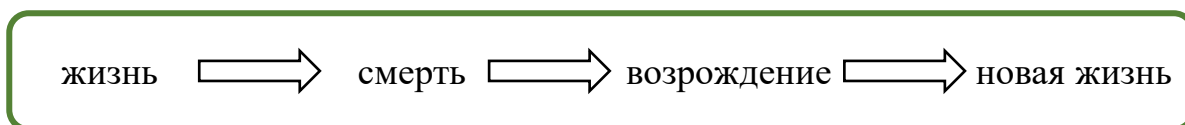
Обращаясь к Устине, Арсений задаётся вопросом: *«Не пошло ли время вспять, или – поставим вопрос иначе – не возвращаюсь ли я сам к некоей исходной точке? Если так, то не встречу ли я на этом пути тебя?»* [Водолазкин 2014, с. 359]. Путь его духовного совершенствования и возвышения отменяет прощение и расставание с возлюбленной Устиной и превращается в долгую встречу с ней сквозь всю жизнь персонажа, поскольку Арсений на всех этапах своего пути общается с ней, советуется и, что самое главное, через прощение отмаливает её как единственный человек, кто не просто способен, а обязан исполнить данное.

Как уже было оказано выше, композиция «собственно жития» в контексте романа-жития Е.Г. Водолазкина включает четыре Книги, соответствующие этапам и пройденным «жизням» персонажа. В каждой Книге, в отдельной части представляется новая определённая ипостась главного героя:

1. Книга познания – врачеватель, лекарь-травник.
2. Книга отречения – городской юродивый (выше отмечалось, что в житийных текстах юродство может расцениваться как способ служения Богу).
3. Книга пути – странник, паломник.
4. Книга покоя – пустынный, монах.

Однако главной особенностью в тексте, разделяющей каждую из Книг между собой и в то же время связывающей, оказывается тот факт, что в течение всего жизненного пути персонажа с его «ролью» меняются и имена, что доказывает тезис о проживании новых, каждый раз других «жизней» главного героя: Арсений (также используется форма «Арсение») – Устин (в честь умершей возлюбленной Устины) – Амвросий (соотносится с именем погибшего друга-ясновидца Амброджо Флеккиа) – Лавр. Использование нового имени героя свидетельствует, обозначает о кончине старой жизни и о рождении следующей. В этом и прослеживается цикличность пути героя, его

движение по спирали, от одного этапа к другому. В схематическом виде выглядит это следующим образом:

Однако символическое значение смены имён героя этим не ограничивается. Основной её смысл, на наш взгляд, связан с поэтапной его сакрализацией, закодированной в смене именных номинаций, семантика которых свидетельствует о приближении Арсения к Богу. Заметим, что канонический герой жития обычно имел лишь два имени: первое – мирское, данное ему при крещении, и второе – утверждённое при его канонизации, либо данное ему при пострижении. Рассмотрим отдельно каждое из имён героя романа-жития «Лавр».

Уже было обозначено выше, что первое имя главного героя используется в тексте и в форме «Арсений», и в форме «Арсение». Указанное мужское имя происходит из древнегреческого языка, от имени *Ἀρσένιος* (*Арсениос*), которое переводится как «мужественный» или «мужской» и образовано от понятия *ἄρσεν* (*арсен*) – «мужчина», отражённого в корневой основе [Петровский 2005]. Таким образом, в имени персонажа «Арсений» формируется семантическое поле, выстраивающееся из слов «мужчина», «мужественный», «зрелый» и другие понятия, поскольку мальчик (в начале романа-жития), преодолев большой путь, становится мужчиной. Однако нередко к герою обращаются через форму «Арсение». Представленный именной инвариант находит сходство в румынском языке – *Arsenie*, что на русской транскрипции выглядит как «Арсение», а в церковном контексте возможно употребление традиционной лексики «Арсений». Так, в произведении «Лавр» возникает европейский мотив, который прослеживается не только в именной форме «Арсение», взятой из румынского языка, не только во включении в систему персонажей итальянского героя Амброджо Флеккиа, тем самым современный писатель указывает на значимость западных культурных ценностей в

контексте романа. Помимо этого, на наш взгляд, в употребляемом особенном инварианте имени выстраивается целый словесный ряд, представляющийся нам следующим образом:

Арсение как явление, познание, отречение, странствие, смирение

Большая часть из этих слов может быть соотнесена с названиями Книг, несмотря на то, что фактически на каждую часть герою «предлагается» абсолютно новое имя или оно выбирается им самим (например, «Устин»), однако в этом ряду возможно увидеть судьбу, которая будет у главного героя в будущем, новые «жизни» уже predeterminedены для него.

Арсений в начале романа-жития предстаёт мальчиком, который воспитан дедом-травником и лекарю Христофором, кто видит невероятные способности внука к предвидению и исцелению больных. Он передаёт ему свои знания, а также приобщает к молитве. Будучи Арсением, как уже было обозначено, герой проходит путь от мальчика до юноши и становится мужчиной. Его совместная жизнь с невенчанной женой Устиной и ожидание от возлюбленной общего ребёнка выступает как доказательство его мужского начала, той самой «мужественности», однако гибель любимой при родах и их младенца есть знак того, что Арсений выбрал неправильный путь после смерти Христофора. Данный тезис подтверждается словами старца Никандра в диалоге с Арсением: *«Христофор советовал тебе **идти** [выделение наше] в монастырь. Я спрашиваю себя, почему ты его не послушался, и не нахожу ответа...»* [Водолазкин 2014, с. 113]. Употреблённый инфинитив «идти» входит в состав концепта «путь» в качестве лексемы движения, перемещения, преодоления пути. К тому же немаловажным оказывается уточнение о следующей точке, к которой направляют главного героя, – монастырь. Финальным же пунктом, до которого должен дойти Арсений, – прийти к Богу. Однако поскольку «житийный» персонаж изначально выбрал неверную дорогу жизни, не послушав совета Христофора, который можно расценивать в качестве отречения от Бога и отвержения Его, то ему необходимо вернуться

и возвыситься к Нему нетрадиционными для житийных святых способами, хотя мотивом действий Арсения является искупление души умершей Устины.

Здесь умирает в метафорическом смысле Арсений и возрождается как Устин, начинается новый виток «спирального» пути героя.

Абсолютно новое имя герой берёт намеренно. По завету старца Никандра он решает прожить свою вторую «жизнь» за возлюбленную: «Любовь сделала вас с Устиной единым целым, а значит, часть Устины всё еще здесь. Это – ты» [Водолазкин 2014, с. 112-113].

Имя «Устин» является современным, просторечным вариантом произношения старого имени *Иустин*, который упоминается в православных святцах, и является родственным с именем *Юстин*. Это имя происходит от римского когномена (родовое прозвание) *Iustinus / Justinus*, образованного от латинского *justus*, что означает «праведный», «справедливый» [Петровский 2005]. С этим именем герой проживает второй этап и меняет свой образ: теперь он не врачеватель в Рукиной слободке, а немой юродивый, который ведёт отречённую, отчуждённую, праведную жизнь аскета. Юродство в житиях традиционно рассматривается как один из способ служения Богу, как житийный подвиг святого; это один из самых древних архетипов в русской литературе. Однако исследователь древнерусской письменности А.М. Панченко отмечает, что не все юродивые в житиях были каноническими [Панченко 1984]. Жития юродивых имели свою поэтику, которая состояла из традиционного набора мотивов:

- уход из дома (юродивый обычно не подвизается, то есть не совершает житийный подвиг, в родном месте),
- нежелание общественной славы,
- обладание даром пророчества,
- аскетическое поведение,
- «безмолвствование» и другие мотивы.

Юродивые уходили от социума с целью, чтобы осуществлять тайный подвиг, находясь среди людей, но в то же время скрывая смиренное служение за маской кажущегося сумасшествия и безумия. В народе за юродивыми закрепилось название «человека божьего». Устин таковым и становится, поскольку хранит обет молчания (первое время он произносил лишь своё имя в разговорах с людьми), продолжает исцелять больных, пытается помогать нуждающимся и ведёт праведную жизнь: как было указано раньше, семантика имени «Устин» включает в себе понятие «праведный». Юродство – это серьёзное испытание для романного героя на пути искупления своего греха, за это время он проходит через несколько типов святости (так называется «бытовая» святость, юродство, паломничество, монашество, отшельничество), однако этот ряд невозможен для канонического типа юродивого.

Введённый в произведение мотив юродства главного героя и смены его ипостаси в очередной раз доказывает процесс трансформации канонического жанра жития – смешиваются житийные подвиды о святых и юродивых (в житийных текстах о святых описанный мотив не включался и не допускался по канонической структуре). Однако такое сильное отступление от канона и вписывание специфической черты другого подвида позволяет продемонстрировать очередной важный жизненный этап становления героя, в котором впервые проявляется его отречение от мирских удовольствий во имя искупления вины перед Устиной за раннюю смерть при родах. К тому же добавление мотива юродства и образа юродивого подчёркивает православную основу и направленность произведения Е.Г. Водолазкина, поскольку, как отмечает А.М. Панченко, в католическом мире нет юродивых, рассматриваемый и используемый в рамках романа-жития феномен был распространён среди именно православных подвижников и монахов.

Но при этом герой «Лавра» не остаётся в роли юродивого: он завершает обет молчания, вновь возвращается к первому имени Арсений, данному при рождении, и совершает паломничество до Иерусалима со своим спутником и ясновидцем из Италии, уже не единожды названного в настоящем

исследовании, Амброджо Флеккиа. О.А. Гримова называет их совместное долгое путешествие «осью симметрии», аргументируя это понятие тем, что после указанного эпизода сюжет будто начинает движение вспять: повторяются какие-то ситуации, мотивы начала романа и даже целые текстовые фрагменты [Гримова 2014]. Примечательно в связке с этой цикличностью обращение главного героя к своему первому имени Арсений: после ипостаси в образе юродивого Устина Арсений словно «обнуляет» свой предыдущий жизненный путь, возвращается на начальную точку и делает первые шаги заново, однако выбрав уже правильный, верный путь – то есть к Богу, и необходимым этапом для смены ориентира и направления становится путешествие в Иерусалим. На этом пути Арсений также преодолевает новые преграды жизни, в очередной раз теряет близкого человека (а это был его единственный друг) и снова оказывается в пороговой ситуации между категориями «жизнь» и «смерть».

Следующий же этап становления личности Арсения ознаменован процессом пострижения и обращения в монахи, а также обретением нового имени «Амвросий». Это имя ему дано в честь святителя *Амвросия Медиоланского*, епископа из Милана VI века. Помимо этого, имя «Амвросий» созвучно с именем погибшего друга – *Амброджо*, что воспринимается как своего рода дань памяти. С греческого языка слово *ambrosios*, от которого образована именная единица, переводится как «божественный», «бессмертный», что доказывает факт монашества главного героя и свидетельствует о его приближении к статусу святости [Петровский 2005]. Здесь Арсений-Амвросий представляется уже как седой старец, но сила духа в нём в разы сильнее, нежели в молодости. Он также продолжает исцелять людей, спасает от смерти или предсказывает скорую кончину в случае, если ничем нельзя помочь больному, однако теперь он, как истинный святой, лечит людей не травами и какими-либо снадобьями, а молитвами, с абсолютной верой в божью милость.

Принятие последнего, четвёртого имени главного героя происходит уже незадолго до его смерти: Амвросий принимает схиму (клятва православных монахов придерживаться особо строгих аскетических правил поведения) и получает имя «Лавр». День проведения схимы состоялся 18 августа, в день святых мучеников Флора и Лавра. Амвросия окрестили тем же именем, что и святого Лавра, что имеет невероятно значимое значение в контексте произведения. Имя «Лавр» происходит от латинского слова *laurus*, которое переводится как «торжество», «победа» в переносном значении и «лавровое дерево», «лавровый венок» в прямом [Петровский 2005]. Венок из лавровой ветви считался в эпоху античного искусства символом победы. Наделённое герою в финале романа имя на лексико-семантическом уровне означает награду за его стойкость в прохождении сложного, долгого пути становления и возвышения. Данное ему последнее имя – знак победы героя над собой, над земным и мирским несовершенством, знак торжества его духа и искупления его тяжкого греха – вины за раннюю смерть возлюбленной Устины. Помимо этого, лавр в контексте произведения подразумевается не только как имя собственное (в данном случае – именной вариант главного героя), но и как нарицательное: лавр – это растение, которое обладает целебными свойствами, что согласуется с делом, даром жизни персонажа – способность исцелять. Лавр является вечнозелёным растением, поэтому он также ассоциируется с бессмертием и вечной жизнью, что в контексте романа-жития является признанием святости героя. Следовательно, его долгий жизненный путь к Богу состоялся.

Доказательством этого служат слова старца Иннокентия в диалоге с Лавром:

«– Я более не ощущаю единства моей жизни, – сказал Лавр. – Я был Арсением, Устином, Амвросием, а теперь вот стал Лавром. Жизнь моя прожита четырьмя непохожими друг на друга людьми, имеющими разные тела и разные имена. Я не в силах связать себя с теми, кто когда-то был мной. Жизнь напоминает мне мозаику и рассыпается на части.

– Ты растворил себя в Боге. Ты нарушил единство своей жизни, отказался от своего имени и от самой личности. Но и в мозаике жизни твоей есть то, что объединяет все отдельные её части, – это устремлённость к Нему. В Нём они вновь соберутся» [Водолазкин 2014, с. 401-402].

Жизненный путь главного героя завершается приходом к Богу, следовательно, Арсений выбирает правильный, верный в житийном понимании ориентир и способен пройти свой путь в качестве праведника. Прощение за свой грех он получает в конце пути (однако так и не поняв, что это оно и есть) в образе Анастасии, которая, спасаясь от позора, называет отцом своего будущего ребёнка старца Лавра. Эпизод с её родами композиционно замыкает начало и конец жизненной истории героя, во многом повторяя эпизод с родами Устины. Неслучайно последнее жилище Лавра оказывается недалеко от Рукиной слободки, как бы возвращая героя к началу его пути, но уже на другом витке. И если Арсений совершает ошибку, отказавшись от помощи повивальной бабки, что приводит к гибели Устины и их ребёнка, то Лавр идёт за помощью, но, получив отказ от разуверившихся в нём жителей слободки, принимает роды сам и спасает Анастасию и её сына. Арсению-Лавру даётся, таким образом, возможность ещё раз прожить ситуацию, в которой возникла его вина перед погибшей возлюбленной. Благополучный исход родов Анастасии становится знаком искупления этой вины.

Смысл произошедшего символически заключён в имени «Анастасия»: в переводе с греческого языка слово *anastas* означает «воскресшая», «возвращённая к жизни», что можно трактовать как воскрешение Устины, возвращение её к жизни в образе молодой девушки Анастасии. Её сын, в свою очередь, знаменует продолжение жизни погибшего сына Арсения и Устины.

Так завершается история Лавра, врачевателя, ставшего святым. Не поняв знака данного ему прощения, он завещает после смерти не погребать его тело, а тащить в болото, подобно смерти Арсения Великого, что и было исполнено.

Такой финал полностью трансформирует агиографический канон. Каноническое житие, по словам Л.И. Боевой, заканчивалось явлением Богородицы или одного из небесных посланцев, указывающих народу на праведника, а перед или после этого описана праведная кончина героя, в заключении обычно давалось последнее обращение к читателю – призыв к восхищению праведностью и чудесами героя, всё кончалось молитвой, обращённой к герою с просьбой о покровительстве, похвалой праведнику и завершалось заключительным «аминем» [Боева 1981, с. 247]. Как видим, ничего этого в романе нет, кроме слёз и скорби людей, пришедших проститься с Лавром. Также не описываются чудеса, произошедшие после смерти святого, что является обязательным для канонической композиции жития святого и доказывает его причастность к идеальным и одновременно идеализированным канонизированным типам христианского героя.

2.2. Вербализация концепта «путь» в романе-житии «Лавр»

Как уже было обозначено в теоретической части настоящего исследования, структура концепта характеризуется наличием ядерных и периферийных зон. Концепт «путь» не является исключением.

Основные компоненты *ядерной зоны* концепта «путь»: 1. дорога; 2. линия в пространстве, в котором происходит движение; 3. поездка; 4. направление; 5. направление в развитии чего-либо, образ действий.

Периферийная зона анализируемого концепта «путь» определяется на основе фразеологизированных сочетаний и выражений в словарях В.И. Даля, Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова: 1. жизненный путь (*сбиться с пути, провожать в последний путь, в счастливый путь, идти своим путём, не ищет лёгких путей*); 2. польза, прок, толк, успех (*из этого человека выйдет путь, не путём делаешь*); 3. направление движения (*путь лежит, направить на путь истинный, куда путь держите*); 4. путешествие (*счастливого пути, наш путь лежит на север, находится в пути*) [Толковые онлайн словари русского языка Даля, Ушакова, Ожегова].

К периферийной зоне необходимо относить следующие синонимы: «дорога», «ход», «конец», «маршрут», «курс», «оборот», «рейс», «крюк» [Словарь русских синонимов].

Таким образом, понятийный компонент концепта «путь» состоит из последующих элементов: 1. дорога; 2. пространство, где происходит само движение; 3. заданное направление движения; 4. путешествие; 5. жизнь человека, его судьба; 6. польза, прок.

В романе-житии «Лавр» русского писателя Е.Г. Водолазкина заданный для анализа концепт «путь» представлен в контекстах, которые включают в себя саму номинацию лексемы «путь», дериваты, синонимические единицы и элементы, входящие в него. Ядерная зона (ядро и приядерная) представленного концепта – лексическая единица «*путь*», синонимы и её производные; ближняя периферия концепта – контекстуальные синонимы; дальняя периферия концепта – слова, раскрывающие и объясняющие

контекстуальный синоним (из зоны ближней периферии). Вербализация того же концепта «путь», являющегося одним из главнейших в рамках как классической, так и современной русской литературы, была проанализирована в повести В.О. Пелевина «Жёлтая стрела», где концептуальная структура понятия «путь» описана по так же по зонам [Тимченко, Серёдкина 2021, с. 6].

Составляющая **ядра** концепта путь – непосредственно сама лексема «путь» – используется в анализируемом материале в нескольких лексических значениях.

1. Жизненный путь.

*«У тебя трудный **путь**, ведь история твоей любви только начинается»* [Водолазкин 2014, с. 110].

*«Арсений шёл, испытывая холод и страх. Он и сам не понимал, зачем вышел из тепла. Ему было лишь ясно, что **путь** его ждал трудный – если вообще преодолимый. И он не знал, куда этот **путь** лежит»* [Водолазкин 2014, с. 165].

О значении «жизненный путь» в понимании «человеческая судьба» в данных примерах сигнализируют и используемые средства выразительности и конструкции: «*трудный путь*», «*преодолимый путь*», «*куда этот путь лежит*».

2. Направление движения.

*«**Путь** Арсения не был прямым, ибо не имел чётко выраженной географической цели»* [Водолазкин 2014, с. 115].

*«**Путь** к городским воротам он мог бы проделать и с закрытыми глазами»* [Водолазкин 2014, с. 153].

3. Путешествие, поездка.

*«Вы же отправились в **путь** после Пасхи, и получается, что не увидите необыкновенных свойств огня»* [Водолазкин 2014, с. 249].

*«На рассвете караван вновь отправился в **путь**. Построение напоминало вчерашнее, но в точности его не повторяло»* [Водолазкин 2014, с. 274].

В ядро концепта «путь» также входит синонимическая единица – лексема «дорога», которая тоже употребляется в разных лексических значениях.

1. Путешествие, поездка.

*«Больше за всю **дорогу** они не произнесли ни звука, храня слова для грядущей исповеди»* [Водолазкин 2014, с. 49].

*«По **дороге** они не разговаривали»* [Водолазкин 2014, с. 150].

2. Полоса земли, предназначенная для передвижения.

*«Мороз ударил накануне, и грязь смерзлась бороздами и комками, превратив **дорогу** в стиральную доску»* [Водолазкин 2014, с. 49].

*«**Дороги** совершенно раскисли, а реки не замёрзли»* [Водолазкин 2014, с. 274].

3. Направление, прокладываемый маршрут.

*«Мы ищем **дорогу** на Оршу»* [Водолазкин 2014, с. 254].

*«Арсений чувствовал пространство леса и пространство поля, ледяную пустыню Белоозера и деревянные улицы Пскова и всюду без труда находил **дорогу**»* [Водолазкин 2014, с. 307].

Также лексическая единица используется в тексте в значении «жизненный путь», что является ближайшим синонимом к первому семантическому значению: *«В глазах Арсения посадник Гавриил увидел всю его трудную **дорогу**»*, где данная лексема так же употребляется в сочетании с эпитетом «трудный» [Водолазкин 2014, с. 351].

Кроме того, при описании искреннего монолога Арсения при обращении к Богу у Гроба Господня, что является по своей сути исповедью и одновременно с тем прошением о помощи и в совете запутавшегося главного героя, употребляются в том же лексическом значении обе лексемы, входящие в состав ядерной зоны («путь» и «дорога»): *«Я не уверен в своём **пути**, и оттого мне всё труднее двигаться дальше. По неизвестной **дороге** можно идти долго, очень долго, но нельзя идти по ней бесконечно»* [Водолазкин 2014, с. 358].

К составляющим ядерной зоны концепта «путь» относятся слова, производные от заданной лексемы: «путешествие», «путник», «спутник», «попутчик», «путевой», «путать», «запутанность».

Лексема «путешествие» и производное от него существительное «путешественник» нередко используется в контексте романа, поскольку главный герой из «Книги» в «Книгу» перемещается в другое место, иное пространство, а в «Книге Пути» отправляется в Иерусалим (ключевое путешествие в судьбе Арсения): *«Если верить его расчётам (а я к этому склонен), на путешествие у нас есть по меньшей мере десять лет»* [Водолазкин 2014, с. 244]; *«Александр был самозабвенным путешественником, и дорога сама расстилалась под его ногами»* [Водолазкин 2014, с. 292].

Понятие «спутник» в значении «человек, совершающий путешествие или разделяющий дорогу с кем-то», в большинстве случаев употребления характеризует друга главного героя Амброджо Флека со слов Арсения либо же, наоборот, спутником выступает Арсений со стороны итальянского ясновидящего: *«Он хочет, чтобы ты стал моим спутником на пути в Иерусалим»* (цитата Амброджо) [Водолазкин 2014, с. 241]; *«У меня, любовь моя, хороший спутник, молодой интеллигентный человек с широким кругом интересов»* (цитата Арсения) [Водолазкин 2014, с. 247].

В то же время понятие «путник», которое выступает производящим для лексической единицы «спутник», употребляется намного меньше в тексте, ограничивая количество путешественников и акцентируя внимание лишь на одном человеке – в данном случае на главном герое, который становится как путешественником в географическом смысле, как проживший много лет старый человек в бытовом понимании, так и поднявшимся и искупившим свою вину перед возлюбленной старцем в религиозном значении: *«Он давно подозревал, что время прерывисто и отдельные его части между собой не связаны, подобно тому, как не было никакой – кроме, может быть, имени –*

связи между белокурый мальчиком из Рукиной слободки и убелённым сединами **путником**, почти стариком» [Водолазкин 2014, с. 366].

Лексическая единица «попутчик», так же произведённая от «путь» и неоднократно использованная в контексте путешествия Арсения, выполняет номинативную функцию как человека, который преодолевает путь совместно с кем-то: «*Карп звал тебя в Небесный Иерусалим, а ты не стал ему попутчиком*» [Водолазкин 2014, с. 241]. Кроме того, в тексте используется и однокоренное слово «попутный» в отношении к стихийному природному явлению, как бы намекающему на помощь в преодолении пути: «*К вечеру того же дня подул попутный ветер*» [Водолазкин 2014, с. 318].

В тексте произведения употребляется понятие «путевой», образованное от лексемы «путь», в связке со словом «невзгоды», то есть в данном случае имеются в виду не единожды выделенные в контексте «путь» преграды и трудности, возникающие на пути (в значении путешествия) персонажей: «*Их обессиленные болезнью тела не могли сопротивляться путевым невздам, и то, что оказалась не в силах сделать чума, довершили слякоть и холодный туман дороги*» [Водолазкин 2014, с. 122]. Кроме того, в данном примере используется лексическая единица «дорога», входящая в ядерную зону концепта «путь» и уже описанная нами выше, что подтверждает значение поездки, путешествия.

Немаловажным будет отметить использование глагола «путать» в значении «мешаться, сбиваться, недоумевать или ошибаться» по словарю В.И. Даля, что сообщает о возможности ошибиться в сказанном или происходящем [Толковый онлайн словарь русского языка Даля]. Употребление этого слова наблюдается в следующих примерах: «*Если ничего не путаю, всё произойдёт 27 декабря. В полдень или около того*» [Водолазкин 2014, с. 110]; «*Реже – наступали без всякого порядка, бессовестно путая очерёдность*» [Водолазкин 2014, с. 203].

Интересной языковой единицей является использование лексемы «запутанность», которая так же входит в состав производных слов от понятия

«путь»: *«Некоторое время назад, будучи на Крите, он с другими монахами там даже побывал. По словам брата Жана, трудности в лабиринте создавала не столько запутанность его пещер, сколько темнота, так что, когда свечу одного из братьев затушил пролетающий нетопырь, брат тут же заблудился»* [Водолазкин 2014, с. 328].

В состав концептуальной структуры, помимо ядерной зоны, включена **периферийная**. Как уже было указано выше в рамках настоящего исследования, в периферийную область входят контекстуальные синонимы заглавного понятия анализируемого концепта (в данном случае – синонимы к лексеме «путь»). Контекстуальный синоним считается синонимом к определённому понятию лишь в рамках конкретного текста или фрагмента. На наш взгляд, в произведении Е.Г. Водолазкина «Лавр» в качестве контекстуальных синонимов центрального понятия «путь» выступают не нарицательные существительные, чем зачастую оказываются контекстуальные синонимы в рамках различных текстов, а собственные существительные – имена главного героя: Арсений / Арсение, Устин, Амвросий, Лавр.

Причиной выделения имён собственных в качестве контекстуальных синонимов объясняется семантикой самих именных номинаций. Как уже было доказано ранее, переход от одного имени к другому, их смена обладает закономерностью: каждое имя «поднимает» главного героя и приближает к статусу святого, к пути к Богу. Зачатки святости прослеживаются уже в первом имени героя – Арсений, в честь почитаемого в лике преподобных Арсения Великого.

*«Он появился на свет <...> в день памяти **Арсения Великого**. Семь дней спустя во имя **Арсения** он был крещён»* [Водолазкин 2014, с. 10].

Имя «Арсений» с древнегреческого языка переводится как «мужественный» или «мужской», что обрисовывает его мужское начало, сильную фигуру образа героя.

Второе имя героя, производное от имени возлюбленной, – Устин (является просторечным вариантом имени «Иустин» и имеет родство с именной номинацией «Юстин»), что с латинского языка обозначает «праведный» и «справедливый».

«– Как тебя зовут, – снова спросил рот.

Он произнёс три слова отдельно, словно не доверял слуху лежащего.

– Устин, – едва слышно сказал Арсений.

– Устин. – Лицо к кому-то обернулось. – Его зовут Устин. Что ты приключися, Устине?» [Водолазкин 2014, с. 161]

Имя, взятое героем от любимой, сигнализирует об его более аскетичном поведении, изменении в жизни и переходе на новый уровень – начался новый виток в его пути к возвышению и святости. Так, на уровне смены первого имени можно уже проследить трансформацию, качественное изменение в образе главного героя и его ориентира, его направления, что доказывает семантическое значение именных номинаций.

Третье имя главного героя – Амвросий, так же пришедшее из греческого языка, означающее «божественный» или «бессмертный».

«Не ищи меня среди живых под именем Арсений, но ищи меня под именем Амвросий» [Водолазкин 2014, с. 371].

В семантике данной именной единицы прослеживается уже ярко выраженное отношение главного героя к статусу святости, его большее духовное становление по подобию Господа.

Последнее, «завершающее» имя героя – Лавр, что трактуется двояко: и как имя, переводимое с латыни и обозначающее «торжество» или «победа», и как растение, воспеваемое в античной традиции как атрибут победителя и ассоциируемое в мировой культуре с бессмертием (что перекликается с семантическим значением предыдущего имени «Амвросий»).

«Глядя на седые пряди на полу, Амвросий услышал своё новое имя:

– Брат наш Лавр постригает власы главы своей во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [Водолазкин 2014, с. 398].

То есть последнее, четвёртое имя главного героя выполняет «обрамляющую» функцию в тексте, поскольку семантический ряд, который выстраивается из значений данных имён собственных, сигнализирует о том самом пути к Богу, который проходит Арсений-Лавр. Изложенный нами тезис доказывается самими значениями имён героя: с каждым именем, с каждой новой «жизнью» и приобретением новой «роли» герой вступает на новый виток своего спиралевидного пути к искуплению и духовному возвышению.

Таким образом, резюмируя многочисленный и разнообразный состав **ядра** и **периферии** концепта «путь», можно обозначить, что в **ядерную зону** входят примеры употребления как самого ключевого слова «путь», так и синонимов и производных от выделенной лексемы в нескольких значениях: в основном это жизненный путь или судьба человека, путешествие или поездка, направление движения или прокладываемый маршрут, непосредственно полоса земли для преодоления или перемещения. Говоря же об отдалённой от ядра концепта зоне, полагается, что именные номинации «Арсений», «Устин», «Амвросий» и «Лавр» в рамках романа-жития исполняют роль контекстуальных синонимов и входят в **периферийную зону** согласно выше изложенному доказательству – семантическое значения или семантические значения (например, двойственность «Лавр» как имя и «лавр» как растение-атрибут) каждого имени, использованного в тексте.

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ В РАМКАХ КУРСА ПО ВЫБОРУ В 10-11 КЛАССАХ

Известно, что в настоящее время выпускники старшей школы для допуска к Единому государственному экзамену обязаны сдавать итоговое сочинение, зачастую называемое как «декабрьское сочинение», специфика которого проявляется в раскрытии заданного ключевого понятия, такие как, например, «любовь», «судьба», «дом», «верность», «дружба» и многие другие. Для подготовки к изучению предлагаемых направлений и последующему написанию сочинения необходимо выстроить круг ассоциаций и представлений о каждом понятии, то есть заданные темы необходимо рассматривать и анализировать как концепты.

Лингвистический термин «концепт» не вводится в школьную программу общеобразовательных школ, однако в профильных классах, а также в рамках курсов по выбору представленное понятие может быть использовано, поскольку дополнительное образование или обучение в рамках классов с уклоном на какую-либо дисциплину (в данном случае – русский язык) всегда предусматривает качественное увеличение и расширение знаний о каком-либо предмете исследования.

В качестве рекомендательного материала в рамках методической части настоящей дипломной работы учителю-словеснику предлагается изучение концепта «путь» на материале произведения современного русского писателя Е.Г. Водолазкина «Лавр» – представленный ниже конспект потенциального урока по указанной теме (основные методы и приёмы – слово учителя, эвристическая беседа, лексикографическая работа, работа с текстом). Выбор материала мотивирован ввиду следующих причин:

- 1) концепт «путь», являющийся один из важнейших концептов в русской языковой картине мира, считается центральным в

произведении, на что указывают многие филологи в своих исследованиях анализируемого текста;

- 2) взятый текст является абсолютно новым для обучающихся и может быть использован в дальнейшем для написания итоговых сочинений и других письменных работ на заданную тему;
- 3) знакомство с концептом «путь» с лингвистической точки зрения лучше всего проводить на основе текста, в котором данное образование исполняет главенствующую роль;
- 4) работа с выбранным произведением предварит знакомство с современной русской литературой, которая зачастую не анализируется в рамках реального учебного процесса в школе из-за нехватки академических часов, и может повлечь за собой дальнейший интерес учеников к современной литературе.

Конспект урока

Тема: Концепт «путь» в романе Е. Водолазкина «Лавр».

Класс: 11 класс.

Цель: изучить специфику концепта «путь» на материале произведения Е.Г. Водолазкина «Лавр».

Задачи:

1. *Образовательные*: познакомиться с лингвистическим понятием «концепт» и выявить его структуру; выделить ядерную и периферийную зоны концепта «путь» на материале текста Е.Г. Водолазкина «Лавр».

2. *Развивающие*: развить навык лексикографического анализа; научить выстраивать поле концепта и взаимосвязь концептуальных зон.

3. *Воспитательные*: развить навык работы в группах и уважительного отношения к одноклассникам; развить интерес к лингвистическим явлениям; развить интерес к современной русской литературе.

Оборудование: бумажный вариант книги «Лавр», презентация, толковые словари (например, В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, также возможны

для работы другие словари; словарь личных имён Н.А. Петровского или под редакцией других авторов), распечатанные фрагменты из текста.

Ход урока

Учитель: Добрый день, ребята! На сегодняшнем занятии мы продолжаем узнавать о русском языке больше и раскрывать его тайны, разгадывать парадоксальные явления и повышать наши знания о языке в целом. Сегодня мне от вас понадобится максимум усилий и быстрота мысли, как будто мы решаем очень важную проблему, идя к её ответу шаг за шагом. В рамках урока мы познакомимся с текстом, название которого, возможно, кто-то из вас мог слышать или знаком с его автором.

Учитель показывает старшеклассникам книгу, спрашивает, знаком ли кто-то с ней или читал ли произведения этого писателя. Затем откладывает в сторону.

Учитель: Однако мы не будем заниматься литературоведческим анализом такого объёмного произведения, а подойдём к нему со стороны языковедческого аспекта и рассмотрим один важный элемент, который может помочь вам в дальнейшем.

На слайде презентации написано слово «концепт».

Учитель: Наверняка все из вас слышали данное понятие или встречали где-то в разных контекстах. Попробуйте объяснить значение этого слова.

Ученики: *отвечают на вопрос, пытаются дать определение.*

Учитель: Очень хорошо! Большинство ваших ответов выходит из психологии, философии или каких-либо других научных областей. Попробуйте представить этот термин в рамках науки о языке.

Ученики: *предполагают, что означал бы термин в лингвистике.*

Учитель: Спасибо за ваши ответы. Тогда давайте перейдём в теоретической части нашего разговора и разберёмся с этим понятием.

На слайде презентации написаны основные теоретические тезисы.

Учитель: Итак, «концепт» с лингвистической точки зрения – понятие сложное и многослойное, до сих пор не имеющее строго определённого

значения. Как мы с вами уже знаем, каждый лингвист уже изученный и описанный предмет или языковой феномен видит по-своему, отсюда и объяснение, почему трудно найти единственно правильный вариант определения. Разберём несколько из них от разных учёных:

1. Концепт – это смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объект, который есть предмет имени (БСЭ).

2. Концепт – это некое представление о фрагменте мира, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами (М.В. Пименова).

3. Концепт – культурно-ментально-языковое образование, сгусток культуры в сознании человека, пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово (Ю.С. Степанов).

4. Концепт рассматривает и в качестве многоаспектного образования, призванного служить разъяснению единиц психических или ментальных ресурсов человеческого сознания и информационной системы, отражающей знаниевый компонент и опыт индивида; и в качестве культурно обозначенного вербализированного значения, которое выражено рядом языковых проявлений, образующих необходимую семантическую общность слов (Е.С. Кубрякова).

Учитель: Давайте попробуем более простым языком дать определение этому понятию: что объединяет все предложенные вам определения?

Ученики: *в словах школьников должны прозвучать следующие ключевые слова: образование, представление, человек / человеческое сознание, культура, мир, ассоциация, значение, языковые проявления / языковые средства.*

Учитель совместно с учениками формулирует понятное школьникам определение понятие для дальнейшей работы.

Учитель: Отлично, вы грамотно отметили ключевые слова, которые входят в понятие «концепт». «Концепт» намного шире нежели просто «значение слова» или, как мы уже знаем, «семантика слова». Однако повторю, что любой концепт – явление сложное, он имеет свою структуру: ядерная

(центральная) зона и периферийная. Ядро – это словарное значение того или иного слова, то есть самого заглавного концепта. Периферия же – это субъективный опыт, ассоциации, контекстуальные элементы (если мы говорим о концепте в рамках конкретного текста) и так далее. Сегодня мне хотелось бы с вами поговорить о таком концепте, который является главным в языковой картине мира русскоговорящего человека. Попробуйте предположить, о чём сейчас пойдёт речь?

Ученики: *предлагают свои варианты (например, семья, любовь, Родина, свобода, искусство, путь / дорога).*

Учитель: Спасибо за ваши предположения. Безусловно, все перечисленные вами концепты занимают важное место как в национальной, так и индивидуальной картине мира. Если вы назвали эти понятия, наверняка они отзываются у каждого в душе и занимают важное место в жизни. Однако сегодня мы поговорим об очень большом, глобальном и чрезвычайно важном концепте – концепте «путь». Но наша беседа не ограничится только мнениями каждого из нас, мы постараемся приоткрыть дверь с этой табличкой, основываясь на материале книги, которая вас заинтриговала в начале занятия.

Для того чтобы искать отражение данного концепта в тексте, сперва нужно разобраться с концептом как таковым и что входит в состав понятия «путь». Итак, какие синонимы вы бы подобрали к данному слову?

Ученики: *называют такие слова, как дорога, стезя, тропа, маршрут, направление, судьба и другие.*

Учитель: Отлично! Вы абсолютно правы. Всё это входит не просто в понятие концепта «путь», а в ядерную зону, то есть в самую ближайшую область слова. Но вы, вероятно, заметили, что само слово «путь» возникает в нашем сознании не в одном значении, а нескольких – и как дорога, и как судьба человека. На столе вы видите толковые словари, которые заранее были подготовлены. Ваша задача: отыскать словарную статью «ПУТЬ» и дать краткий анализ, в каких значениях используется это слово (*лексикографическая работа*).

Ученики: *по группам распределяют между собой несколько толковых словарей, которые есть в кабинете учителя, анализируют дефиниции, сопоставляют их между собой, находя общие и разные оттенки значений, и делают выводы, обобщая полученные данные.*

Учитель: Обратите внимание на словарные статьи ещё раз. Вы можете заметить в некоторых словарях синонимы и однокоренные слова, которые образованы от понятия «путь». Зафиксируйте их в памяти, они понадобятся нам для дальнейшей работы. Эти слова называются производными, в то время как «путь» – производящее. Перечислите их.

Ученики: *называют такие производные лексемы, как путник, путешественник, путевой, путать и другие.*

Учитель: Хорошо, вы абсолютно правы. Как вы думаете, к какой зоне концепта, на ваш взгляд, подошли бы перечисленные и отобранные общими усилиями слова?

Ученики: К ядерной зоне.

Учитель: Абсолютно верно. Ядро концепта – это синонимы, которые первыми же возникают при употреблении данного слова, и однокоренные слова, которые тоже очень близко стоят в ряду с семантикой, то есть значением, выбранного слова – «путь». Давайте рассмотрим некоторые фрагменты текста и разберёмся, какие слова использованы автором, которые входят в состав ядра концепта.

Ученики распределяются на небольшие группы, анализируют отрывки текста [см. в Приложении], вычленивают нужные лексемы, затем озвучивают их всему классу.

Учитель: Как вы уже заметили, слова повторяются. И этому есть причина. Полагаю, вы согласитесь со мной, что это связано с тем, что мы обозначили ядерную зону концепта и доказали, что именно эти слова относятся к ней. Теперь наша задача разобраться с периферией. Как вы думаете, что туда должно входить?

Ученики: *делятся своими предположениями.*

Учитель: Хорошо, спасибо за ваши мысли. Итак, периферия – это то, что находится дальше от центра, то, что расположено вдали и на краях. В языкознании периферия концепта – это субъективные ассоциации, какие-то индивидуальные моменты, личностный опыт. Но мы с вами рассматриваем концепт «путь» не просто так, а основываемся на произведении. Как вы думаете, что тогда нам нужно искать?

Ученики: То, что будет связано с концептом именно в этом тексте.

Учитель: Верно. В периферию входит понятие «контекстуальный синоним». Вы помните, что это такое, и можете привести примеры?

Ученики: Это слова, которые имеют то же самое значение, что и у другого, в границах конкретного текста, за его пределами синонимами не являются.

Учитель: Совершенно верно! Но для того чтобы выявить эти слова, нам нужно обратиться к тексту и немного разобраться с его спецификой. Сам автор Евгений Германович Водолазкин дал жанровое определение «роман-житие». Это очень интересное сочетание двух абсолютно разных, но, на удивление, во многом схожих жанров. Однако с обоими из них вы работали, романы и жития читали на уроках литературы. В какой период русской литературы были популярны жития?

Ученики: Период древнерусской литературы.

Учитель: В чём главная особенность житий?

Ученики: Архаичность языка, особая структура, описание жизни какого-то святого.

Учитель: Верно. Вы большие молодцы, что вспомнили главные особенности этого жанра. Наша тема – концепт «путь». О каком пути идёт речь в житиях, каков путь житийных героев?

Ученики: Путь к Богу.

Учитель: Да, святой проходит свой трудный путь и служит Богу. А герои романов – какой они совершают путь?

Ученики: Путь становления личности.

Учитель: Верно, герои романов изменяются, изменяется их личность и их взгляды на жизнь. Можем ли мы сказать, что житийные герои тоже изменяются?

Ученики: *предполагают.*

Учитель: На самом деле, житийный и романский герои отличаются как раз тем, что первый статичен изначально – он избранный с рождения, в то время как второй действительно по ходу сюжета изменяется и трансформируется. Хорошо, теперь, когда мы знаем об этом различии, необходимо вернуться назад к теме нашего разговора и фрагментам текста. Обратите внимание на имена, которые используются в них. Перечислите их.

Ученики: Арсений, Устин, Устина, Гавриил, Амвросий, Лавр.

Учитель: Как вы думаете, какое из этих имён принадлежит главному герою?

Ученики: *предполагают.*

Учитель: На самом деле, 4 имени – это всё имена героя произведения. Первое имя – «Арсений», затем он зовёт себя «Устин», следом ему дают имя «Амвросий», а после – «Лавр». Ваша задача сейчас в толковом словаре отыскать эти имена и понять, что они означают (*лексикографическая работа*).

Ученики: *в небольших группах изучают этимологию названных имён.*

Учитель: Обратите внимание на последовательность имён героя и соотнесите со значениями, которые вы нашли. И не забудьте о том, что мы говорили про путь героя житийного и героя романного.

Ученики: *в ходе обсуждения приходят к выводу, что герой с каждым новым именем поднимается, трансформируется его личность как романного героя, однако Арсений-Лавр приходит к Богу согласно изменению семантики имён подобно житийному герою.*

Учитель: Вы большие молодцы! Вы правильно указали на эту двойственность образа главного героя и верно отметили, что он идёт к Богу. Если мы ещё раз внимательно посмотрим на значения имён в той последовательности, какая она даётся в тексте произведения, то увидим, что

статус святости героя поднимается. Таким образом, Арсений-Лавр заключает в себе черты и житийного, и романного персонажа. Так как мы с вами много времени уделили именам героя и значениям этих имён, то несложно догадаться, что же именно входит в периферийную зону концепта «путь» в рамках текста Водолазкина?

Ученики: Сами имена / значения имён героя.

Учитель: Совершенно верно! Вы большие молодцы сегодня. Давайте подведём итоги. Что за сегодня мы сделали, что нового узнали, какие мысли о сегодняшнем занятии у вас остались?

Ученики: *делятся впечатлениями от урока, задают вопросы, если какие-то остались нерешёнными.*

Учитель: Спасибо за ваши мнения и комментарии. Я буду рада, если кого-нибудь из вас заинтересовал этот текст и вы захотите в будущем вернуться к нему. Домашнее задание будет следующим. Мы разобрали один концепт, который занимает одно из важнейших мест в русской языковой картине мира. Но вы сами назвали и другие концепты. Попробуйте составить свой список концептов, который входит в вашу языковую картину миру. Наверняка в нём будут и те, которые уже сегодня прозвучали, и какие-то другие. На этом урок закончен, спасибо за вашу работу!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью настоящего исследования в рамках дипломной работы был обозначен лингвистический анализ концепта «путь» на материале произведения современного русского писателя Е.Г. Водолазкина. Достижение указанной цели имеет двунаправленный характер, связанный как с собственно реализацией научной задачи, так и с вопросами методического плана: полученные данные в исследовании в перспективе могут быть использованы для курсов по выбору в старших классах общеобразовательной школы.

Для достижения обозначенной нами были сформулированы и выполнены определённые задачи.

В рамках представленной дипломной работы обобщены и изучены уже существующие в языкознании сведения о понятии «концепт». В ходе исследования было установлено, что понятие концепта не одно десятилетие представляет научный интерес в сфере лингвистики, исследование данного феномена началось с XX века и продолжается до сегодняшнего дня. Концепты как многослойные образования в человеческом сознании, зависящие, с одной стороны, от культуры нации, а с другой – от личностного опыта отдельного взятого индивида, составляют основу языковой картины мира всех отдельных национальностей.

В нашем исследовании проанализирован значительный круг работ, связанных с представлением о концепте «путь» в сознании русскоговорящего и обозначено место анализируемого концепта в русской языковой картине мира. На основе уже имеющихся лингвистических исследований было доказано, что концепт «путь» является одним из главнейших образований в контексте русской языковой картины мира. Рассматриваемый концепт «путь» включает такие оппозиционные пары как *жизнь – смерть*, *пространство – время* и другие. Анализируемый концепт «путь», как и другие образования, характеризуется сложной структурой, однако границы между зонами можно назвать условными, так как линии между зонами характеризуются нечёткостью.

В рамках настоящего исследования рассмотрена реализация концепта «путь» в рамках произведения Е.Г. Водолазкина «Лавр», а также выявлена специфика изображения данного предмета исследования, который выделяется нами как стержневой в контексте романа-жития. В работе приводится рассмотрение определения авторской жанровой специфики художественного произведения, определённого как «роман-житие»: соединение двух жанров литературы напрямую связано с анализируемым концептом, поскольку понятие «путь» в обоих случаях представляется центральным. Используя текст Е.Г. Водолазкина в качестве материала для анализа обозначенного концепта, удалось доказать, что понятие «путь» как название концепта является стержневым в выбранном тексте. Ядерную зону концепта составляют такие лексемы как *путь, дорога*, производные от заглавного слова лексемы (*путешественник, путать, путевой* и другие). В состав периферийной зоны входят в заданной автором последовательности имена героя, которые с семантической точки зрения выступают контекстуальными синонимами, соотносящимися с особенностями периферии концепта: *Арсений, Устин, Амвросий, Лавр*.

Как уже было отмечено выше, настоящая дипломная работа также характеризуется методической направленностью. Исходя из этого, в рамках исследования необходимо было создать и обосновать методический материал для дальнейшего использования учителем-словесником в рамках проведения занятия для курсов по выбору в старших классах по заданной теме. В качестве методического материала предлагается конспект проведения урока в рамках занятия курса по выбору. Дополнительно в методических рекомендациях приводится перечень причин, обосновывающих выбор анализируемого произведения для указанной темы.

Так, в ходе исследования в рамках настоящей дипломной работы поставленная цель в виде подробного анализа лингвистического концепта «путь» на основе материалов произведения Е.Г. Водолазкина «Лавр» и

сформулированные задачи, сопутствующие главной цели представленной работы, были достигнуты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко А.А. Место концепта «успех» в типологической системе концептов и его универсальные лингвистические характеристики // Вестник МГОУ. 2009. № 3. С. 108-117.
2. Арутюнова Н.Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира / ответ. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 3-17.
3. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. Л., 1928. С. 28-44.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. 330 с.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: «Худож. лит.», 1975. С. 234-407.
6. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др. Семантическое поле // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. С. 231-236.
7. Боева Л.И. Житийные повести и становление автобиографических повествовательных жанров в русской и болгарской литературах // Вопросы древнерусской литературы. София: Наука и искусство, 1981. С. 237-274.
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: монография / пер. А.Д. Шмелев, Т.В. Булыгина. М.: Языки русской культуры, 1999. 790 с.
9. Водолазкин Е.Г. Лавр: Роман. М.: АСТ, 2014. 440 с.
10. Говорухина Ю.А. Мотив проще(а)ния в прозе Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин: Кол. монография / под ред. А. Скотницка, Я. Свежего. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2019. С. 67-81.

11. Гримова О.А. Нарративная интрига в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Narratorium. 2014. № 1 (7). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633119> (дата обращения: 17.05.2022).
12. Джундубаева А.А., Лелюк Р.А. Трансформация житийного канона в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Жанрово-стилевые искания в мировой литературе: материалы Всероссийской научной конференции (24-25 апреля 2020 г.). Астрахань. 2020. С. 210-225.
13. Дмитриева Ю.А. Концепт пути в творчестве Н.С. Гумилёва: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2018. 22 с.
14. Дрыга С.Г. Концепт «Путь» в русской языковой картине мира: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 24 с.
15. Ерёмин И.П. Лекции по древней русской литературе. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1968. 208 с.
16. Ерёмин И.П. Житийная литература в переводах XI – начала XIII века / И.П. Ерёмин, М.О. Скрипиль // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. I. Литература XI – начала XIII века. 1941. С. 87-113.
17. Зинин С.А., Чалмаев В.А. Программа курса «Литература». 10-11 классы. Базовый уровень / авт.-сост. С.А. Зинин, В.А. Чалмаев. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2018. 48 с.
18. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.
19. Коровина В.Я. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5-11 классы (базовый уровень). 6-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2005. 222 с.
20. Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // Филология как средоточие знаний о мире: Сборник научных трудов. М.; Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. С. 140-155.

21. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Концепт. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: ИД МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 90-94.
22. Лавр непросто открывался // Российская газета – Федеральный выпуск. 2013. № 3 (5979). URL: <https://rg.ru/2013/01/11/vodolazkin.html> (дата обращения: 17.05.2022).
23. Ланин Б.А. Литература. 10-11 классы: рабочая программа / под ред. Б. А. Ланина. М.: Вентана-Граф, 2017. 114 с.
24. Лаптева М.Л., Уразгалиева О.А. Особенности построения лексико-семантического поля концепта «сотрудничество» в политическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2016. №3. С. 56-59.
25. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 147-165.
26. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
27. Маранцман В.Г. Программа литературного образования. 10-11 классы / В.Г. Маранцман, Е.К. Маранцман, Е.Р. Ядровская и др. 3-е изд. М.: Просвещение, 2007. 176 с.
28. Неретина С.С. Тропы и концепты. М. 1999. 258 с.
29. Новокрещенова И.Л. Концепты «путь», «революция», «вера» в прозе Вс. Иванова 1920-х годов: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 20 с.
30. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
31. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
32. Панченко А.М. Древнерусское юродство // Д.С. Лихачёв, А.М. Панченко, Н.В. Понырко. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72-153.

33. Петров С.В. Денотативная ситуация как концепт художественного текста (на материале романа Ю.К. Олеси «Зависть») // Мир русского слова. СПб. 2008. С. 278-281.
34. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён: более 3000 имён, [старин. и новейших, полных и уменьшит.]. 6-е изд., стер. М.: АСТ [и др.], 2005. 477 с.
35. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие концепта в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 30 с.
36. Попова З.Д., Хорошунова И.В. Построение лексико-семантического поля ключевого слова концепта // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы международного симпозиума (22-24 мая 2003 г.) в 2 частях. Ч. 2. Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 34-35.
37. Пыстина О.В. Семантическое поле «путь / дорога» в картине мира носителя языка (на материале автобиографического дискурса): автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.
38. Ревво Ю.А. Метафорические концепты «Путь», «Дорога» и «Странствие» в публицистике и прозе П.А. Сорокина и Б.К. Зайцева: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2017. 18 с.
39. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/> (дата обращения: 20.05.2022).
40. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингво-культурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
41. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. 990 с.
42. Стернин И.А. Лексическое значение слова как структура // Лексическое значение слова в речи: монография. Изд-е 2-е. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 48-114.

43. Тимченко А.Г., Серёдкина Ю.Е. Вербализация концепта «путь» в повести В.О. Пелевина «Жёлтая стрела» // Сибирский филологический форум КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 2 (14). С. 4-16.
44. Толковый онлайн-словарь русского языка Даля В.И. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (дата обращения: 20.05.2022).
45. Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С.И. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 20.05.2022).
46. Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова Д.Н. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата обращения: 20.05.2022).
47. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб: Питер, 2002. 448 с.
48. Хольмстрем И.Н. Межтекстовое единство как предмет литературоведческого анализа (на материале творчества Н.В. Гоголя 40-х годов): автореф. ... дис. канд. филол. наук. СПб., 2007. 22 с.
49. Черкасова И.П. Лингвокультурный концепт «ангел» в пространстве художественного мышления. Армавир: АГПУ, 2005. 256 с.
50. Шайкин А.А. Житийный герой в романном повествовании: «Лавр» Евгения Водолазкина (часть первая) // Словесность и история. 2020. № 4. С. 98-148.
51. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М.: изд-во «Индрик», 2003. 528 с.
52. Щибря О.Ю. Концептосфера художественного текста как уникальная когнитивная структура // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1 (39). С. 77-79.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Фрагмент 1.

Арсения обдало холодом. Он все еще держался за дверное кольцо. Возникло желание потянуть за него и вернуться в теплую избу. Но спустившись с крыльца, он понял, что уже не вернется. Сгущались ранние сумерки. Арсений шел, испытывая холод и страх. Он и сам не понимал, зачем вышел из тепла. Ему было лишь ясно, что путь его ждал трудный – если вообще преодолимый. И он не знал, куда этот путь лежит.

Арсений шел по лесной дороге, которая становилась все темнее. Он шел, как на ходулях, потому что ноги его не сгибались от холода. Затем начал падать снег. Это был первый снег в году, и летел он как-то неуверенно. Сначала появились отдельные снежинки, редкие, но большие. От их пушистого вида становилось, кажется, чуть теплее. Снежинки падали все чаще и чаще, пока не превратились в сплошную стену метели. Когда кончилась метель, показалась луна и стало светло. Дорога была видна в каждом своем изгибе.

Фрагмент 2.

Арсений вернулся седым. Над переносицей через весь лоб тянулся шрам, который смотрелся как глубокая горькая морщина. Вкупе с появившимися у Арсения настоящими морщинами шрам придавал его лицу выражение скорбного бесстрастия иконы. И может быть, не седина, не шрам, а это выражение не давали псковским людям узнать Арсения.

Вернувшись, он никому ничего не рассказывал. Он вообще говорил очень мало. Не так, может быть, мало, как в бытность свою юродивым, но теперешние его слова звенели такой тишиной, какая не свойственна самому глубокому молчанию. Придя к посаднику Гавриилу, он сказал:

Мир ти, посадниче. А ты мя прости.

В глазах Арсения посадник Гавриил увидел всю его трудную дорогу. Увидел смерть Амброджо. И ни о чем его более не спросил. Обнял Арсения и заплакал у него на плече. Арсений стоял не шевелясь. Кожей шеи он чувствовал горячие слезы посадника, но глаза его оставались сухи.

Фрагмент 3.

и это указывает на то, что Спаситель родился в середине шестого тысячелетия, то есть в 5500 году от Сотворения мира. На то же указывает сумма измерений Моисеева ковчега, которая, согласно двадцать пятой главе Книги Исход, составляла пять с половиной локтей. Потому и Христос как истинный Ковчег должен был прийти в 5500 году.

Этот человек способен рассуждать здраво, сказал Арсений Устине. С таким и в самом деле можно отправиться в Иерусалим. Если верить его расчетам (а я к этому склонен), на путешествие у нас есть по меньшей мере десять лет. Так что я, любовь моя, иду к самому центру земли. Иду к той ее точке, которая ближе всего к Небу. Если дано моим словам долететь до Неба, то произойдет это именно там. А все мои слова – о тебе.

Фрагмент 4.

Арсений шел от села к селу, и память его больше не покидала. Голова болела меньше, иногда совсем не болела. На любые вопросы Арсений отвечал, что он Устин, ибо только это в настоящий момент казалось ему существенным. Однако и так всем было ясно, что он за человек и чем ему можно помочь. Арсений уже не был прежним Арсением. За время своего странствия он приобрел тот вид, который не требовал никаких пояснений. Без всяких слов ему давали место в сарае (хлеву) – или не давали. Из теплых изб ему выносили кусок хлеба – или не выносили. Чаще – выносили. И он понял, что жизнь без слов возможна.

Арсений не знал, в каком – и вообще в одном ли – направлении он двигался. Строго говоря, ему и не требовалось направление, потому что он никуда не стремился. Он не знал также, сколько времени прошло с тех пор, как он покинул Белозерск. Судя по ослаблению морозов, дело шло к весне. Впрочем, и это его не особенно беспокоило. Пребывая яко в чуждем телеси, Арсений к морозам привык. Когда в селе Красном ему подарили дырявый, но теплый зипун, он уже не был уверен, что эта вещь ему необходима. В селе Вознесенском он оставил зипун у одной из изб, сказав Устине:

Фрагмент 5.

Надеясь, что проживает жизнь Устины, чтобы она зачлась ей как ее собственная, Амвросий уже не понимал, где пребывает его жизнь, раз он все-таки не умер. Наконец, он горько плакал о тех, кого ему не удалось спасти от смерти, ведь таковых было много.

А потом слезы печали сменились слезами благодарности. Он благодарил Всевышнего за то, что Устина не осталась без надежды, а он, Амвросий, может просить о ней, пока жив, и трудиться в духовное ей благо. Слезы благодарности у Амвросия вызывало то, что он все еще жив, а значит, способен совершать добрые дела. Амвросий благодарил Господа и за великое множество исцеленных, за предоставленную им возможность жить в то время, когда они должны были быть мертвыми и не способными более к совершению добрых дел.

Слезы омыли не только его лицо, но и душу. Впервые в жизни Амвросий чувствовал, что душа его умиротворяется. Постепенное умиротворение Амвросия было рождено не всеобщим почитанием (слава его была велика как никогда прежде), однако же и не равнодушием, охватывающим к старости многих достойных людей. Умиротворение было связано с надеждой, которая с каждым прожитым в монастыре днем крепла в Амвросии все больше и больше. Он теперь не сомневался в правильности своего пути, потому что уверился, что идет путем единственно возможным.

Фрагмент 6.

Лавр вышел из монастыря, взяв с собой лишь краюху хлеба. Его пытались принудить взять больше, поскольку было непонятно, что ожидает его на новом месте, но Лавр сказал:

Если на месте том Бог и Пречистая Его Мать забудут обо мне, так зачем я буду и нужен?

И Лавр отправился на поиски того места, где его душа чувствовала бы себя в покое. Он шел сквозь сырой осенний лес, не запоминая направления пути. Ему это было не нужно, потому что он не предвидел возвращения. Он понимал, что его движение было началом другого, более важного ухода.